

18+

Лоя Ксеанелис

ИЗ-ПОД СТОЛА

Лоя Ксеанелис

Из-под стола

«Издательские решения»

Ксеанелис Л.

Из-под стола / Л. Ксеанелис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981943-7

У маленькой девочки Лёки любимое место для игр под большим обеденным столом. Для неё он служит ещё и наблюдательным пунктом. Перед глазами ребёнка раскрываются судьбы, прошлое, настоящее и даже будущее не только родителей, родных, но и многих других людей. Маленький мир Лёки тоже задевает волна перемен, иногда ей кажется, что он готов рассыпаться на части, но девочка любит жизнь и всех своих близких, и эта любовь дарует силы.

ISBN 978-5-44-981943-7

© Ксеанелис Л.
© Издательские решения

Содержание

Раздел 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

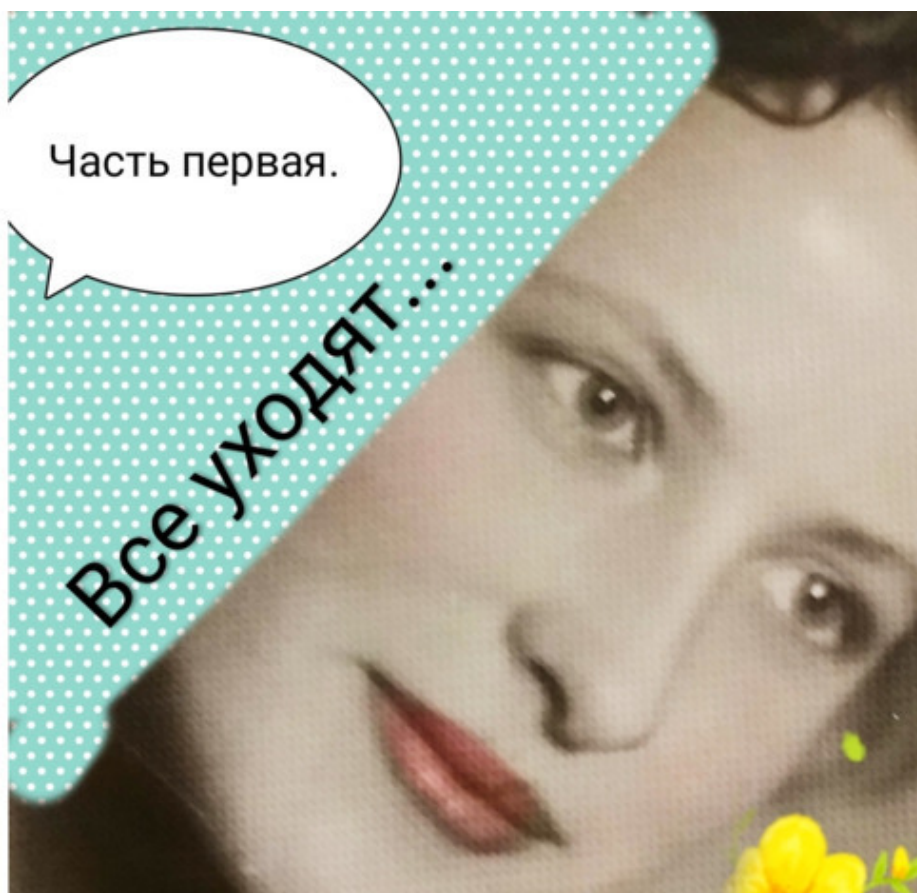
Из-под стола Лоя Ксеанелис

Анастасия Казакова *Корректор*

© Лоя Ксеанелис, 2020

ISBN 978-5-4498-1943-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздел 1

Глава 1

День выдался весёлый, солнце слепило глаза. Мать волокла Лёку за собой, маленькие ножки не поспевали за торопливой походкой молодой женщины, и та время от времени оглядывалась на дочь, с раздражением понукая:

– Быстрее, надо торопиться, можем опоздать. Ну же, меня еле отпустили с работы взять тебя, время на исходе. Смотри, в следующий раз не получится. Сама же всегда упрощаешь прийти за тобой после обеда!

Девочка счастливо улыбалась: она редко видела маму, радость встречи погасить не сумел бы никто в целом мире. Сегодня начальнику матери потребовалось срочно перепечатать какие-то документы, тот, собираясь на экстренное совещание, лично попросил свою секретаршу об одолжении немного задержаться. ОПС, где трудилась женщина, находился недалеко от детского сада, что сыграло на руку: ребёнка из группы удалось забрать гораздо раньше, дабы позже не отвлекаться от важной работы. Вот только сразу поспешить на вокзал да уехать домой вовремя, пока не начался час пик, не удастся.

Массивные двери учреждения даже взрослые открывали с усилием. Кроме загадочного названия, у девочки эта организация не вызывала интереса. Большая, плавно изгибающаяся полукругом лестница с витыми чугунными перилами вела куда-то наверх, по ней туда-сюда шныряли скучные серые люди с объёмными чёрными портфелями да кипами бумаг. Они вошли в неприметный проём при входе, обозначенный потускневшей дощечкой на стене с блёклыми полустёртыми буквами, добежали до самого конца узкого длинного коридора, тут же неприметная дверь, выкрашенная в тон грязно-жёлтых стен, резко распахнулась, поджидающая их секретарша кинулась навстречу вошедшим:

– Зоюшка, наконец-то! Давай, лети к НЕМУ, он совсем разнервничался. Я с твоей дочкой сама разберусь.

Маленькая тесная комната для машинистки всегда вызывала у малышки скуку. Мать сорвала с девочки пушистую белую шапочку, наскоро провела расчёской по своим растрепавшимся после берета волосам, на ходу скинув с себя пальто на стул, проскользнула в соседний кабинет. На мгновение в открывшейся щели показалось просторное помещение, наполненное светом, куда ребёнку ход был заказан.

– Ну, как зовут такую хорошенькую маленькую принцессу? – слащаво заулыбалась оставшаяся с ребёнком сослуживица.

– Лёка... – тихо пробубнила девчушка, она не любила, когда её принимали за малышку посторонние люди.

– Давай разденемся, Лёка! Меня зовут тётя Римма. Снимай пальтишко, тут тепло, запишись скоро. Залезай на стульчик! Вот тебе бумага, карандаши, твори, рисуй! Жаль, цветные нам не положены на рабочих столах. Мама твоя скоро вернётся. У меня тоже дел невпроворот. Сиди здесь, не шуми, никуда не ходи. Ты же послушная деточка? Если Борис Николаевич рассердится, нам всем мало не покажется. Поняла?

Девочка молча мотнула головой. Секретарша начальника выбежала за дверь. Немного поведив по бумаге тонко отточенным грифелем, малышка проколола листы в нескольких местах, ей стало неинтересно. Подперев голову руками, уставилась в маленькое оконце, выходящее во двор, но там ничего не происходило, будто замерла жизнь. Время тянулось долго, захотелось спать, ресницы слипались, но засыпать нельзя – вдруг мама освободится, увидит её

уснувшей да оставит в этом скучном месте или попросту забудет её здесь. Малышка боролась с дремой изо всех сил.

Наконец в тишине приёмной раздались голоса. Раскатистый рокот «страшного» Бориса Николаевича наполнил пространство. Выпорхнула мать, белозубо сверкая довольной улыбкой, быстро собрала дочь, накинув себе на плечи пальтецо да чёрный беретик на короткие колечки тёмных волос в шестимесячной завивке, распрошала с сослуживицей, по пути напомнив девочке, чтоб та не забыла сказать тёте Римме положенное «до свидания», потянула ребёнка к выходу.

Они вновь бежали – необходимость успеть на электричку придавала скорости, хорошо Белорусский вокзал в пяти минутах ходьбы от здания ОРСа. Лёке с трудом удавалось поспевать за длинноногой матерью, времени оставалось в обрез, женщина нервничала. Вскочив в последнюю дверь последнего вагона, Зоя с облегчением вздохнула. Народу в салон набилось много, сквозь толпу, сцепившись ладошками, парочка с трудом пробиралась из вагона в вагон. Кто-то из мужчин, пожалев кроху, уступил им место. Зоя посадила малышку на колени, прижав к себе.

О! Как обожала Лёка чудесный аромат своей матери: запах дешёвеньких духов «Серебристый ландыш», дополненный ненавязчивыми нотками персиковой пудры да помады, буквально околдовывал, расслаблял; она, наслаждаясь, закрыла глаза, тут же задремала. Девочка проснулась оттого, что мама передвинулась к окну, народу поубавилось, значит проехали достаточно, люди потихоньку выходили на своих остановках.

– Нам долго ещё? – соблюдая привычный ритуал, сонно спросила дочь.

– Не очень, – обычный ответ показался резким, голос – надломленным, раздражённым.

Кроха сбоку вопросительно взглянула на молодую женщину, зоркие глаза Лёки заметили мокрый след слезы на раскрасневшейся щеке, она не придала значения всему этому, мало ли что – у взрослых всё странно.

– А оленей проезжали?

– На следующей остановке будут, вовремя проснулась.

– Я писать хочу, ещё на твоей работе захотела, не у кого спросить было.

– Сейчас нельзя. Потерпи немного! Не думай об этом. Хочешь семечек?

Лёка кивнула. Она любила семечки. Мать, пальчиками очищая от шелухи, вкладывала ядрышки в раскрывающийся нежный ротик, будто птенчика кормила. Соседка, сидевшая рядом, искоса наблюдавшая за парой, умильно улыбалась.

Проскочили скульптуру оленя с оленихой, момент всегда восхищал – лес раздвигался, животные казались живыми и будто приветствовали девочку еле приметными кивками, она в ответ махала им ладошкой.

Женщине надоело чистить семечки для вертящейся непоседы; сунув в ручонку всё, что осталось, велела учиться добывать зёрнышки самостоятельно. Дочь занялась делом. Зоя, глядя остекленевшим взглядом на пронесившиеся мимо знакомые пейзажи, задумалась о чём-то своём, настроение у неё окончательно испортилось, грустное лицо приобрело выражение беззащитной потерянности.

Лущить у малышки получалось плохо, она вся вымазалась слюной, пальчики стали липкими, семечки скользили по ладошке. Ей вскоре тоже надоела возня, хотелось съесть всё сразу, так казалось вкуснее, да и легче; отвернувшись к окну, она, скрывая шкodu, впихнула всю оставшуюся горсть неочищенных зёрнышек в рот, торопливо разжевала, с усилием проглотила. Мать не заметила хитрой уловки своей озорницы. Дело слажено, вышло отлично! Заниматься стало нечем. Попробовала покататься на гладких деревянных скамьях, скользя шароварами по скользкой прохладной поверхности, чуть не упала, выходило не очень.

Вагон почти опустел. Наконец-то Усово! На конечной остановке из поезда вышло совсем мало людей. Спустились с платформы. Мать отвела Лёку к кустикам, дав уже еле сдерживающейся дочери облегчиться. Взавшись за руки, они неторопливо пошли вдоль дороги. До род-

ного дома в Калчуге идти не очень далеко, а вечером в тишине прогуляться в такую погоду одно удовольствие. Смеркалось, зимой сумерки ранние.

Глава 2

Пройдя в узкий проход между заборами, мать с дочкой вышли к приземистому деревянному дому. Строение с восемью индивидуальными входами, от которых спускались трёхступенчатые скрипучие лесенки, переходящие в протоптанные снежные тропинки, расползающиеся в разные стороны, походило на странное насекомое с множеством горящих, низко посаженных окошек вместо глаз. Маленькие палисадники, огороженные невысокими штакетными заборами рядом с каждой дверью, в воображении девочки служили калошами для лап чудища. По одной из лестниц приехавшие поднялись наверх, прошли на ощупь через маленькие тёмные сени в небольшую комнату в два окна. Девочка придирчиво огляделась, проверяя, всё ли осталось по-прежнему. Сбоку от входа, за выцветшим полотнищем, находилась кухонька, там топилась маленькая печка, отгороженная прикрепленной к стене обтёсанной деревянной доской, служащей полкой и столом одновременно; рядом уместились два крашенных в кирпичный цвет табурета. В красном углу, перед входом, теплился огонёк под образами. У окошек, убранных узорчатыми светлыми занавесками, разместилась лавка; к стене прижалась узкая пружинистая постель, застланная белой простыней с вышитым подзором. Подушка, установленная рёбрышком вверх, прикрытая тонкой ажурной накидушкой, выглядела чуточку игриво. Напротив угадывалось второе спальное место, отгороженное лёгкой цветастой занавесью, казавшееся намного больше первого, украшенное двумя подушками. К его изголовью вплотную приставили детскую кроватку с опускающимися верёвочными перильцами по бокам. Тут же разместился зажатый койками с двух сторон круглый стол, накрытый зелёной скатёркой, спускающейся до самого пола, а под ним мир Лёки, там все её игрушки. Тесно, свободного пространства почти нет. Вещи висят на гвоздях, под защитой подвешенного на прищепки куска жёсткой ткани. Слева от входа чудом втиснулся светлый лакированный сервант с отделениями для белья и посуды – мамино недавнее приобретение, её гордость. Из-за него старый бабушкин сундук пришлось вынести в холодные сени. Лёке близко подходить к новой мебели запретили, вдруг поцарапает блестящее покрытие. Комнатушка выглядела скромно, привычно, за неделю отсутствия малышки ничего не изменилось.

Девочка соскучилась по родному дому, особенно по бабушке, та выступила им навстречу из кухонного угла, медленно переставляя большие ноги, тепло улыбнулась. Внучка кинулась к ней, старушка ласково провела рукой по разругавшейся щёчке ребёнка, одновременно снимая пушистую шапочку с взлохмаченной головки. Бабуля, в отличие от других, никогда её не тискала, не прижимала, не целовала, лишь слегка приобнимала и тут же отстранялась. Лёка привыкла, ей казалось, старикам именно так и положено себя вести, она знала – баба души в ней не чаёт. Старушка выглядела маленькой, худенькой, её сухенькие ладошки с выступившими венками смотрелись по-детски трогательно. Лицо с зачёсанными назад волосами, заплетёнными в две косицы, перетянутыми в корзинку на затылке, прикрывал чистый белый платок, каждая морщинка из-под которого лучилась добром, светом улыбки. Обыкновенная, правда очень любимая, бабушка, в деревне таких много.

Мать торопливо расстегнула на дочери зелёное пальтишко, стянула валеночки с маленькими блестящими калошками, тёплые шаровары, вязаные серые носочки, оставив в коротеньком вельветовом платице да в коричневых чулочках на резинках.

Тем временем бабуля разложила по тарелкам варёную картошку, политую пожаренным на растительном масле, мелко искрошенным луком, с краю уместила по половинке солёного огурчика, порезала хлеб на кусочки. Поели быстро, чай ребёнок только отхлебнул – тот оказался горячим.

Лёка торопилась – под столом хозяйку ждали соскучившиеся игрушки. Девочка отползла подальше, вглубь, там она становилась незаметной снаружи; сидя в своём убежище, тихоня

аккуратно перебирала ребячьи сокровища: деревянную лошадку, завёрнутого в пёстрый лоскут пупса, семицветный мяч, зелёную прыгающую лягушку на воздуховоде, раскрывающийся цветок с девочкой внутри, шумную металлическую юлу, пластмассовую ванночку и другие мелочи. Каждому предмету уделялось внимание, нашёптывались ласковые слова, привычный ритуал являлся обязательным после недельного отсутствия. В это время её никто не трогал, не отвлекал, игра считалась забавной, немного чудной.

Взрослые забывали о её присутствии, не опасаясь разговаривали обо всём на свете, а малышка слушала, открывала какие-то тайны, узнавала много нового, интересного, захватывающего, делала собственные выводы. Любопытные глаза глядели на мир сквозь длинную бахрому скатерти не по-детски серьёзно.

– Когда Шурик домой вернётся? – прополаскивая посуду, тихо спросила бабушка.

– Поздно будет, работы много, в воскресенье на смену опять пойдёт!

Красивый голос матери звучал раздражённо.

– Много трудится. Ребёнка совсем не видит; не заметит, как вырастет дочка, узнавать перестанет.

– По мне хоть пусть совсем не приходит!

– Нельзя так! Расстроил кто? Утром птичкой щебетала!

– Я опять ЕГО видела в электричке, с друзьями сидел. Взглядом проводил, когда по вагону пробирались, дочку разглядывал. В Раздорах вышел, в окна смотрел, меня выискивал. Грустный очень. Сердце остановилось, в жар бросило.

– Забудь, не твой он! Жизнь разрушишь, себя погубишь. Женатый ведь! Зачем замуж выскочила, раз не любила? Разве гнал кто?

– Мам, ты тогда сама все уши прожужжала, мол, за Саньку выходи, семья у парня не бедная, пропасть не дадут, что тебе недолго осталось на свете жить, страшно оставлять меня одну. Когда мы с ТЕМ парнем познакомились, он уже посватался к другой девушке, они готовились к свадьбе, иного выхода для нас не существовало. Санёк же в то время прохода мне не давал, ходил по пятам, меня караулил. Как сообщение получила о женитьбе любимого, всё безразлично стало. Тут Шурик подвернулся, гулять позвал. Идём вдоль дороги с ним, навстречу Танька выплывает. Помнишь её? Та, которая в Москву за платьем втайне от родителей улизнула, за ней на вокзале военный увязался, полдня сопровождал повсюду, потом в ЗАГС затащил, вернулась она к вечеру уже с колечком на руке, через два дня за мужем в войсковую часть отбыла. Так вот, приехала Татьяна погостить на лето к своим, у самой уже пузо на носу, чуть-чуть, и родит. Как увидела её, подумала: все подружки при мужиках, с детьми, лишь я одна неустроенной осталась. Мы мимо сельсовета проходили, в окошке огонёк горел, меня будто под локоть толкнули, Сашку подзадорила, мол, пойдём распишемся, тот обрадовался – оказалось, на всё готов пойти ради меня.

Зашли в контору – Петрович сидит, в бумагах погряз. Мы носы кверху держим, нахально заявляем старику о намерении скрепить союз узами брака. Тот, видимо, подумал, что ребятки ребёночка нагуляли, решил услужить, приказал утром приходить, раз такое дело – распишет сразу. Получилось очень неловко, шутка жизнью обернулась, дать задний ход, казалось, уже нельзя. За Шуриком сколько девчат бегали, он же ко мне присох намертво. Наутро явились, Петрович записал нас в книгу по-быстрому, бумагу выправил. Тебе словом не обмолвилась, посчитала, как-то обойдётся, выкручусь. Сашкину родню очень разозлили скоропалительной выходкой, там месяца не прошло со свадьбы старшего сына, молодые жили с ними, для нас места не нашлось. Деваться некуда, к нам в каморку молодого мужа привела. Помню твой гнев, что не по-людски как-то вышло, некоторую растерянность, но свою радость ты утаить не сумела, она по глазам угадывалась. Легла я с мужем, а удовольствия нет, притворяться плохо выходит, не нравится парень совсем. В тот день перетерпела, ради ребёночка один раз помучиться решила, думала, всё произойдёт быстро, как у нашей козы Катьки, когда её на случку

водили. Ан нет, люди по другим законам живут, одним разом не отделаться, до сих пор вот терплю.

Подруги свадьбу потребовали, в долги пришлось влезть. Накупили снеди, наготовили, сами резали, жарили-парили, лишь бы не опозориться. Соседка платице одолжила светленькое, а больше никто ничем не помог. Ты слаба, стоять не можешь, ноги болят. Родня мужа ни в грош жену младшего сына не ставит. Они посчитали, мне помогать необязательно. Санька, получив своё, успокоился, все хлопоты на меня свалил. У подружек срочные проблемы возникли, лишь Светка сподобилась прийти да помочь столы накрыть. Хорошо хоть не все о свадьбе знали, гостей немного собралось, наскоро организованное торжество надолго не затянулось, посидели немного. Свёкор с женой зашли отметить да убрались восвояси, но для галочки сошло. Не так, не с тем мечтала я свадебку сыграть, сама себе проблемы создала. Зато Лёка теперь есть!

– Зой, что ж другого парнишку не свела в контору? Выбор-то у тебя имелся. Помню ухажёра с Ильинского, который тебя летом пышными букетами задаривал.

– Рыжика не забудешь, весёлый был. Светка сетовала, мол, отдалась бы ему за одни только цветы, меня же от привязы передёргивало до такой степени, что однажды его букет об него же и обломала, когда попытался в кусты затащить. Из двух зол Сашка меньшим оказался.

– Горемычная моя девочка! Может, не так плохо всё. Стерпится-слюбится со временем. Шурик хороший. Любит тебя. Не вороти носа!

– Что толку. Муж не пытается изменить создавшееся положение, помогать не приучен. Ему интереснее на работе засиживаться да мяч по полю гонять. Терпеть слаще, если чувства есть. Только ОН, мой любый, у меня перед глазами, улыбается насмешливо, белые зубы скалит.

Наверху замолчали, бабушка тяжело вздохнула, раздались тихие всхлипы матери. Лёка призадумалась – выходит, папа видел их в электричке, к ним не подошёл, опять на свою работу уехал, мама обиделась, очень расстроилась. Девочка выползла из-под стола, подкралась к матери сзади, с силой обняла за ноги, та подхватила малышку на руки, закружила по комнате, чмокая в пухлые детские щёчки, пахнущие молоком, смеясь от удовольствия, хотя глаза ещё грустили и не успели просохнуть.

Глава 3

Женщины начали готовиться ко сну. Лёка заползла в родительскую постель.

– Ма, займи её, расскажи что-нибудь, пока не уснёт. Мне постирать срочно требуется, к понедельнику необходимо высушить всё, а то в садик отправлять не в чем будет.

Девочка с готовностью подвинулась на койке, освобождая бабушке место подле себя, но старушка никогда не ложилась рядом, в отличие от родителей, устраивалась на принесённой с кухни табуретке и развлекала внучку удивительными историями былой жизни. Надув притворно губёшки, малышка перебралась на свою постельку, оттуда до старушки расстояние сокращалось. Бабуля ласково потрепала капризулю по щёчке, заботливо подоткнув одеялко под бочок, разочарование из-за отказа мгновенно испарилось.

Мать заскочила за хозяйственным мылом.

– Мам, ты ей историями о Всевышнем голову не забивай. Не в то время живём, только отсталые люди в этикие сказочки верят.

– Не говори так, Зююшка, не бери греха на душу! Бог для меня всё! Он утешает, дарует надежду. Мне больше не во что веровать. Человек по натуре слаб, особенно перед лицом смерти. Боженька не только обо мне печётся, о тебе также, внученьке помогает, защищает вас. О том молюсь беспрестанно!

– Подумай, мам! Как он может помочь? Только испортит всё. Начнёт Лёка в садике про это болтать, ненужные вопросы возникнут, а я комсомолка, до разбора персонального дела довести могут, сюда с проверкой нагрянут, мол, ребёнка неправильно воспитываем, иконы твои увидят. Зачем нам такое? Верь про себя, если помогает, но неприятности не кликай – я работу потерять могу. На что жить будем? Вон книжек детских полно, покажи ей, а о себе не болтай лишнего. Ты меня в детстве своими историями закармливала вместо сказок. Надоело! Теперь за внучку принялась? Она уж их наизусть вызубрила.

– Зоя, как же дитятко потешить? Сказочек не знаю, мне некому в младости рассказывать было, работа утягивала. Читать тоже не обучена, сама знаешь. Пока ты меня не выучила подпись свою выводить, всё крестик на документах рисовала. Помнишь? Дальше наука не пошла нам впрок, у обеих терпения не хватило. Вон книжки покупаешь дочке, сама читаешь редко, а бабка только по картинкам что-то придумать может. Хорошо, девчонка у нас смекалистая родилась, наперёд написанное знает, злится очень, коли ошибусь ненароком. Мне вспоминать трудно, как я в прошлый раз рассказывала! О себе же всегда правильно выходит, да и у Лёки интерес не пропадает, мои истории готова слушать бесконечно.

– Ладно! Делай как знаешь, у меня вода стынет! Пойду. Белья набралось достаточно, успеть до ночи надо.

Мать вышла. Малышка терпеливо вслушивалась в перебранку взрослых: так повторялось из раза в раз и одинаково заканчивалось – ещё один субботний ритуал.

– Погодь, милая! Лакомство тебе припасла! Сейчас сыщу!

Бабушка тяжело встала, лукаво улыбаясь внучке, побрела к серванту, вытащила из самого дальнего уголка мятый бумажный кулёчек, прихватив чугунный утюг, вернулась к кровати. На сухонькую ладонь старухи выкатились с десяток орешков лещины. Пристроившись сбоку у стола, женщина принялась тяжёлым утюгом колоть твёрдые коричневые скорлупки, освобождая ядрышки, впихивала их в открывающийся детский ротик.

– Знаю, малышка, любишь орешки! Матери не говори, что утюг брали, – всегда ворчит, мол, вещь портим. А что с ним будет-то? Чугун, он и есть чугун. Оботрём потом, когда придёт время, поставим на печь, накалим, гладить начнём, не заметит никто ничего, будто не использовали не по назначению, а молоток сейчас не отыщешь, поздно уже. Орешки-то хорошо пере-

жёвывай, да глотай не спеша! Зубки у моей крошки, как у белочки: мелкие, острые, беленькие, – приговаривала старуха.

Покончив с угощением, морщинистые руки собрали шелуху, вынесли на кухню, убрали утюг, пригнули головёнку внучки к подушке.

– Ба! О дедушке расскажи! Тебе нравится вспоминать, и мне любо.

Старая женщина грустно улыбнулась:

– Ах, лисичка моя! Ну хорошо, слушай! Деда твой работал счетоводом, сильно грамотным слыл, сейчас это по-другому называется. Мы ютились здесь.

– Нет! – перебила девчушка. – Бабуля, с самого начала хочу, когда далеко жили! С самого раннего-раннего начала!

– Уговорила! Давай сызнава попробуем...

Глава 4

– Деревенька моя Весёлками называлась, город Тамбов. Туда селяне ездили картошкой торговать по осени, обновы прикупить. Мне восемь годков минуло, матушка занемогла, угасла быстро, месяца не прошло. Батюшка остался один со мной да младшей сестрёнкой Акулинкой, той только четыре года исполнилось. Отец, как жену схоронил, запил с горя по-чёрному, без любимой жизнь стала не в радость.

– Твоя мама красивой была! Правда ведь, бабуль?

– Сама-то не очень помню, давно всё случилось, меня маленькой с ней смерть разлучила, у папки спрашивать не решалась. Люди на деревне поговаривали, мол, мамка моя красоткой слыла, а я в неё уродилась ликом, фигурой тоже. Пьёт, значит, папка наш, мы голодаем. Соседи не оставили в беде, захаживали, из милости кто хлебцем, кто молочком одаривал, батьку приняли стращать, уговаривать:

– Егор! Деток загубишь. Прекращай горевать. Сам не справишься. Бери в дом новую хозяйку, детям мамка нужна!

Молодок сватали, приводили то одну, то другую ему на поглядки. Не хотел отец ни на кого смотреть, сердце о покойнице тосковало.

– Не отдам девчат в руки мачехи! – заявил доброхотам, напрочь отрезал. – В память любушки-супруги, голубушки ненаглядной, сам дочерей подниму!

Так не оженился боле, хотя видным по тем временам мужиком считался, это уж я помню. Пить бросил, когда мне случилось занемочь: под дождь попала, за дровами пошла, батя дверь закрыл на щеколду по недогляду, стучалась долго, да он заснул с похмелья, к окошку бросилась, на грязи поскользнулась, ногу подвернула, обратно до навеса дойти не сумела. Время достаточно прошло, пока Акулинка из своего угла истошным криком пробудила папаню, тот понял – меня нет, на улицу бросился, нашёл-таки, на руках в избу занёс, обсушил, а я мечусь в жару, в бреде. Бабка знахарка с соседнего дома горячим настоем калины отпоила, строго наказала отцу остерегаться такого впредь, в следующий раз не сможет помочь. Тогда батя зарёкся горькую пить, нас растил, берёт, тяжёлую работу по хозяйству справлял, деньжат добывал, столярничал отменно. Я же за старшую по дому управлялась, рано пришлось всему обучиться.

По стране смуты пошли, революции, время непростое, скудное настало. Отцу повезло, лихолетье стороной обошло: жалели вдовца с двумя малолетними сиротами, на фронты не угоняли. После смерти жены он стал быстро сдавать, кашлял сильно, на ноги ослабел, как я сейчас. Достаточно страху в те годы натерпелись, частенько приходилось в подполье просиживать, сухой коркой хлеба обходиться. Всему приходит конец, мало-помалу жизнь налаживаться начала, я подрастала. Акулина с неохотой нам подсобляла, ей с пареньками да подружками на гуляках в танцах кружиться, веселиться по сердцу пришлось. Голосистая, боевая, она лицом в батьку пошла, тот жалел меньшую крепко, что ласки материнской не помнила. От меня же много требовал, я старше, за хозяйку числилась. Так и повелось: младшая сестрёнка хороводит с молодёжью, а я в заботах сохну. Ребята гулять кликали сначала, мне же всё недосуг, голову поднять некогда, потом они про меня забыли. Тяжело приходилось, сестрицу упрекала, что в помощи отказывает, даже поколачивала, за косицу трепала, та отцу жаловаться приноровилась, колотушки мне возвращались. Обида копилась, думала, не любима вовсе папкой, плакала втихомолку, тоже хотелось попеть, поплясать, по холмам погулять с ребятами.

В восемнадцать лет Акулька в заезжего паренька Гришаню влюбилась, сладилось у них, умчалась сестрица к столице поближе жить, в городок Затишье – там её муж с матерью обосновался, работал на местном заводе. Тот город потом в Электросталь переименовали, новые времена принесли с собой совсем иные названия.

Я в двадцать два года одна с батей осталась. Он сильно ослаб, с таким хворым о гулянках думать грех, хозяйство полностью на мои плечи легло. Время молодости быстро пролетало, меня с одинокой, горькой судьбой венчало. В деревне жалели, головами качали – мол, такая краса увядает. Отца корили – совсем затюкал старшую, только старик не виноват, сама так решила: не для меня удел уготован перед богом предстать мужней женой. Перестарком вскоре посчитали, в мою сторону уж никто не поглядывал, моложе, аппетитнее девушки ходили в невестах. Шесть лет в трудах да заботах минуло.

Когда к нам в совхоз молоденького проверяющего прислали, мне двадцать восемь лет стукнуло. В деревне девки от восторга заверещали, заглядывались на командировочного даже те, кто в паре ходил. Вечером как-то я проходила мимо конторы, в освещённом окошке его увидела впервые, как на ладошке. Он сидел, считал что-то, записывал, такой красивый, высокий, волосы русые, с лица белый, а румянец во всю щёку, и серьёзный очень. Сердце моё вдруг обмерло, за спиной будто крылья появились, все годы одиночества цепями тяжёлыми к ногам враз опали. Тут парень голову поворачивает к окну, меня с места ветром сдуло, домой заскочила, запыхалась, к двери спиной прижалась. Отец приметил, молвит:

– Кто гонится за тобой? Кто озорует?

Я разругалась от бега, улыбаюсь глупо, перестать не могу, с перепугу отчиталась как на духу:

– Приезжего ревизора в окошке углядела, учёный больно, не такой, как деревенские ребята. Испугалась: вдруг заметит, как слежу за ним.

Папаня ухмыльнулся, он почти с печки не слезал, а тут на следующий день засобирался куда-то. Долго его не было, я уж убоялась, кабы чего лихого не вышло. Ближе к вечеру слышу шаги – батя входит с молоденьким ревизором, тот под локоть придерживает старика. Моё лицо вспыхнуло, перед глазами круги радужные, язык к гортани прилип, ноги ватные, двинуться не в силах, а гость упёрся в меня взглядом, пристально смотрит. Отец ему что-то втолковывает, между делом меня нахваливает.

Глянула я Феденьке, позвал меня пройтись, деревню ему показать, на зависть всем девицам – они меня за соперницу уже не считали. Начали мы с ним прогуливаться вечерами, разговоры вести обо всём на свете. Растаяло ретивое сердечко красной девицы от доброго участия залётушки, поняла, что люблю молодца, а его сердце на мои чувства отозвалось. Вскоре поженились с ним, поменяла я фамилию Копейкина на Овсянову, соседи со свадьбой подсобили, хорошие люди были. Папаня в день свадьбы последний раз на улицу вышел, через пару месяцев помер, рядом с матушкой схоронила родимого.

С мужем любимым сюда подались, тут работу дали, вот эту каморку выделили, везучими нас посчитали, мол, одни, как баре в хоромах, устроились – люди комнату делили на две-три семьи, занавесками отгораживались.

У деда твоего неподалёку мать проживала да младшая сестра, отец его не дожил, с Гражданской войны не вернулся. Они меня не приняли в семью, показалась им не годной для красавца сына, больно перезрелый плод достался их мальчику, да ещё безграмотная. Родне обижать любимую жену Федя не позволил, с трудностями справлялись сами, без их помощи. Мир да лад воцарился у нас, душа в душу зажили, милый очень жалел меня, тешил. Зато завистников неожиданно выискалась тьма-тьмушая. Девочек не счесть сколько к дедушке липло, увести пытались, только я крепко за него держалась, он меня одну любил.

За месяц до большой войны Зойка родилась, мама, значит, твоя. Надышаться Федечка на дочку не мог. Потом беда ворвалась в дома, семьи, страшная година надвинулась на страну, люди в страхе да ненависти пребывали. Тогда сурово за всё наказывали: за веру в бога, за любую ошибку или промашку, иначе нельзя было. Муж на фронт просился – не пускали, говорили, тут он важнее, у него со здоровьем не ладилось, хотя внешне не скажешь, от меня он скрывал

свои проблемы, старался не расстраивать. Мужики на фронте воевали, погибали, бабы одни бедовали, многие вдовами становились.

Мой Федя как громоотвод, льнули женщины к нему, тёрлись возле него и так, и сяк. Особенно одна досаждала, Катериной звали. В молодости девица шустрой да смелой слыла, всё луну с небес пыталась достать, красотой её бог не обидел.

Катьке едва семнадцать стукнуло, когда та сошлась с одним бедовым повесой, курить выучилась. Тому льстило: молодая да гладкая, смотрит влюбленными глазами, подражает ему, но жениться не желал. Девка ребёночка понесла, полюбовник условие ей поставил: коли родишь парня – распишемся, а из-за девки шею под хомут подставлять не собираюсь, сама выкручивайся. Родилась Светка, подруга твоей мамы. Касьян, так звали хахаля Екатерины, не дожидаясь возвращения хозяйки из больнички, пособирал вещички, сгрёб последние копейки и исчез без следа. Катька опозоренной осталась маяться, в деревне её фамилию ПОзорова в ПозОрову переделали. Она дикой кошкой на обидчиков бросалась, люди начали побаиваться, себе дороже задирать склочницу. Страдая от одиночества, девица глаз на моего Феденьку положила, пыталась обхаживать: он на крылечко выйдет – она караулит, к нему ближе подбирается, мол, курить за компанию веселее, а там то приобнимет, то потрётся боком, то на спор к губам тянется, бесстыдница. Про бабы-то ужимки я знала, нервничала, злилась на соседку очень, сколько раз отгоняла метлой шалопутную от своего мужика, как приبلудную собаку. Федя выстоял, во мне одной души не чаял. Катьке невдомёк, что такой красавец в перестарке нашёл – её девятнадцать против моих тридцати пяти обязаны были победить.

Ни молодость, ни красота не помогли сопернице увести желанного мужчину от жены. Со злости, от бессилия спесивица пустила сплетню по деревне, мол, Федя с ведьмой в постель ложится, приворожила я мужика, оттого холоден он к другим бабам. Злость её попортила нам немало крови.

А вот дочки наши сдружились, всюду вместе ходили. Зоя на батьку больно походила, польстилась соседка на это. Пытаясь добиться расположения отца, Катька нашу девчонку привечать стала, обхаживала, у своего ребёнка крохи отбирала, мою дурёху прикармливала. Добилась вражина ответа, моя девочка погода повадилась бегать в «гостеприимный дом», к «доброй» тётке, за подружку посчитала. У соседки со своей дочерью отношения не складывались – своенравные, упрямые, неуступчивые особы скандалили постоянно. Меня обида точила, что Зойка от семьи отворачивается, сторону недруга принимает, да неразумному дитю ничего не докажешь, всё в штыки принимала.

Девчата наши подросли, им по семнадцать годков исполнилось, когда Касьян в деревне вновь появился – оказывается, в тюрьме сидел за свои проказы вольные. Вернулся он к Катьке по старой памяти, та поначалу взъерепенилась, а мужик затребовал с дочкой познакомиться.

В общем, сошлись, заново любовь закрутили – баба, видать, по мужицким рукам стосковалась. Через полгода Катька понесла второго, Касьян от своих принципов не отказался, песню ту же пропел: парня родишь – до конца жизни с тобой останусь. Получилась Анфиска, опять мужик с вещичками из дому ушёл. Поговаривали, через месяц повторный срок схлопотал, тут уж сокол узилища не пережил, в неволе сгинул.

Светка после школы на почту устроилась работать, назло матери с женатым начальником закрутила, ребёнка в подоле принесла. Катерина злилась на дочь, да упрекнуть не могла – яблоко от яблони недалеко падает, силёнок и у этой не хватило перетянуть мужика из семьи, тот испугался, засуетился, в другое место поторопился перевестись, ребёнка не признал. Так и остались они на деревне ПозОровыми, одни, без мужчин, девок своих тянут.

У Екатерины вторая дочь всего на три года старше внучки, вот друг другу и подсобляют. Катька после вторых родов сдала, переболела болезнью нехорошей, кожа в рытвинах да кости остались от былой красоты, страшной стала, иссохла, почернела вся. Но это было уже много позже.

Глава 5

Мы с Феденькой хорошо ладили, кабы не время страшное, голодное, – можно считать, счастливо жили.

Немцы совсем близко подошли, про фашистов такие слухи ходили, что с ужасом думали, что будет дальше. В одном селе, недалече отсюда, людей в церкви заживо сожгли, в другой деревеньке постреляли всех, кто на глаза попался. Мужики наши, и молодые, и старые, насмерть стояли, погибло немерено люда честного. В тылу тоже несладко приходилось, из последних сил народ держался, всё для фронта отдавал. Власть, борясь с паникой, мародёрством, шпионами, держала население в строгости, по доносу хватали виновных и безвинных. Я за мужа боялась очень. Закончилась война, победили фашистов, только один страх ушёл, а другой остался. Круто правил товарищ Сталин. Время послевоенное, страну восстанавливали потом, кровью. Везде разруха, вдовы, калеки, сироты... Горе и радость рука об руку тогда шли. Те бабы, к кому мужики-то вернулись, счастливыми считались.

У Феде на работе неприятности произошли. Любушка таился, ничем не делился, ничего не рассказывал, берёг меня.

Зойке семь лет исполнилось, в школу пошла. Справили ей модное, добротное пальтишко из отцовской шинели, в Москве форменное платье купили, всё по чести. Учиться ей поначалу понравилось, буквы зубрила, писать старалась, каракульки выводила. Осень тёплая случилась, как будто лето, вокруг красота, всё в желтизне да в пурпуре.

В тот день у Феденьки на работе партийное собрание созвали, там деда твоего сильно разбрали, раскритиковали, по тем временам в такую передрагу люди страшились попадать. Могли вечером поругать, а ночью приехать на воронке, машина такая чёрная, забрать без лишней проволоочки, в Сибирь услать, осудить за саботаж. Муж расстроился крепко. Они с дядей Пашей домой возвращались по шпалам, друг успокаивал, мол, всё наладится, не он же виновен в случившемся недочёте. Только крайним Федю сделали, вину на него поспешили свалить. Отошёл дед на минутку кустики полить, сказал Павлу не ждать, сам догонит. Пашка далеко ушёл, а друга всё нет, пришлось возвращаться, смотрит, а товарищ-то помер, бездыханный лежит. Сердце не выдержало, оказывается, больное сердце было у милого, а я не ведала.

Вечером мне чёрную весть принесли – не поверила. Утром счастливой мужней женой ходила, к ночи горькой вдовой в тоске зашла. Я тогда так выла, так по полу каталась, что Зойка перепугалась, к соседям утекла, и учиться стала хуже, без интереса.

Схоронила бабка мужа, пришлось одной привыкать жить. Что я умела-то? Только по хозяйству хлопотать. Грамоте не обучена, профессии тоже нет, из деревни глухой девкой привезена, от корней оторвана.

Федины друзья в беде не оставили, на дачу к важному человеку работать устроили, за порядком в комнатах следить. Уж я старалась, лишь бы удержаться на том месте, всё скоблила, чуть не вылизывала, пылинки негде не сыщешь. Платили неплохо, нам с дочкой хватало.

У больших начальников жизнь складывается тоже по-разному, сахарной редко назовёшь. Сместили хозяина моего, хоромы отобрали, обслугу разогнали. У нового владельца личный штат работников имелся. Пришлось мне идти уборщицей в общежитие для рабочей молодежи. Получала намного меньше, работа трудная, грязная. Тяжеловато пришлось там твоей бабушке, ноги застудила, видишь, не ходят совсем. Однако, дочку вырастила. Она одна держала меня на этом свете, отрадой в жизни стала. Если б не Зойка, не раздумывая, ушла бы за мужем вослед. Так и живу в ожидании, когда меня боженька приберёт.

Лёка! Да ты спишь уже! Заболталась бабка, с головой в воспоминания ушла. Давай на бочок поворачивайся, я укрою мою внученьку ненаглядную.

Сквозь пелену сна до девочки будто издалека доносился ласковый голос бабушки. Девочка пыталась стряхнуть с себя навалившуюся дрёму, с усилием приоткрыла глаза, желая услышать привычное окончание истории, еле разборчиво пробормотала:

– Ба! Не так! Всегда говорила: как погрёшь, на том свете с дедушкой встретишься, опять вы счастливо заживёте.

– Ах егоза, сквозь сон всё примечает. Память цепкая! Так и есть, надеюсь, будем мы с твоим дедом вместе. Только он в бога не верил, в партии состоял. Как отыскать мне в другом мире моего суженого? Такие дела... Засыпай, веретёнушко, пусть сны чудесные приснятся светлой головушке!

Дверь резко хлопнула. Вернулся отец, тяжёлыми шагами прошёл вглубь комнаты. Малышка вновь с усилием разлепила веки, желая посмотреть на папочку. Она всегда о нём скучала, виделись они редко. В комнату заскочила мать, успела справиться со стиркой. Сквозь ресницы Лёка разглядела, как большие сильные ладони мужчины приобняли жену, но та, с раздражением стряхнув руку с плеча, резко обронила:

– Картошка в печи ещё не остыла. Ешь, коли хочешь. Я устала.

Отец обиженно пожал плечами, наклонился над дочерью, поцеловал в пухлую щёчку, та сонно обняла его за шею. Ей хотелось сказать, что мама сердится оттого, что в поезде не подошёл к ним, когда вечером на работу ехал, но губы не раскрылись, руки безвольно упали на одеяло, сон окончательно овладел крохой.

Глава 6

Лёка проснулась среди ночи. В комнате темно, еле различимы привычные очертания мебели, лишь в углу тускло горит лампадка под образами, слышны сонные дыхания отца с матерью да невнятное бормотание бабули. Девочка не понимала своего состояния: её давило изнутри, неожиданно рот наполнился какой-то противной массой, которая выплеснулась на одеяло. Мать мгновенно проснулась, подскочила к дочери, перевернула напрягшееся тело на бочок, кинулась в угол кухни за тазиком, попутно включила свет. Тусклая лампочка осветила комнату.

Вскинулась бабушка, заметалась босая из угла в угол. Лёка впервые видела её такой. Волосы старушка обычно заплетала в две тугие косицы, перевязывала их тонкими верёвочками на затылке одна за другую, в корзиночку, да убирала под белый платок. Сейчас же редкие пряди свободно спадали на белую длинную ночную рубашку, змейками вились по спине. Широко открытые глаза пожилой женщины в ужасе застыли, рот перекосялся на бледном лице.

– Смерть пришла! Дитяtko помирает! Боженька, спаси внученьку, огради от гибели! – шептали побелевшие губы.

Старуха нелепым привидением кружила по комнате, путалась под ногами.

– Ма! Успокойся! Сядь, не мешайся! – раздражённо рявкнула на неё дочь.

Зоя придерживала голову ребёнка над тазиком, куда стекали рвотные массы.

– Мам, ты давала ей что-нибудь есть перед сном, пока я стирала? Знаю твою слабость засовывать внучке в рот всякое. Говори сейчас же! – приказала молодая женщина.

– Нюрка, крёстная твоя, орешками угостила. Лёка их любит. Я наколола совсем немного.

– Сколько раз твердила: без меня делать этого нельзя! Доиграешься, в сад не примут! Как жить будем? Деньги растягиваю – не хватает. Больничный лист лишь частично оплачивают. Кто с егозой сидеть будет? Ты немощная, малую с тобой не оставишь, не осилить тебе уход за нашей вертушкой, а мне за сервант платить, долг пока не погашен. Не смей девчонку подкармливать без моего ведома. От тебя только беды! Думаешь, я не слышала твою давешнюю историю? Зачем в уши внучке на ночь глядя такое вкладывать? «Любовь, бог, в подоле принесла, злая тётя дочь сманивала...» Она же маленькая, не понимает, не доросла до взрослой жизни, ни к чему ей это. Завязывай со своими воспоминаниями! Они не нужны!

Отец, лежавший лицом к стене, сонно рявкнул:

– Тише вы, курицы! Мне к шести на смену! Раскудаhtались! Ежу понятно, от орехов малец вывернуло, такая пища на ночь тяжеловата для кнопки. Ничего страшного, к утру пройдёт.

Бабушка робко прошмыгнула к окошку, смиренно села на лавку, поджав замёрзшие ноги. Лёка жалела старуху, нестерпимо захотелось прижаться щекой к её сухим ладоням, обнять руками за колени, сказать маме, чтоб не обижала зазря бабу, та добрая, хорошая, сказки у неё интересные-преинтересные, а орешки самые вкусные, но новый приступ рвоты отвлек от задуманного.

Всё закончилось так же внезапно, как началось. Обессиленная девочка откинулась на подушки. Мать сменила запачканное бельё, принесла попить, глаза крохи устало смежались, сквозь полусон до девочки долетели последние слова:

– Мамка, выплесни тазик за порог – воняет. Лёку же одну не оставишь! Сашке всё нипочём – дрыхнет без задних ног!

Бабушка тяжело поднялась, взяла таз.

– Зой, не от орехов внучку вытошнило! Тут одна шелуха плавает. Семечки не я давала! Мать растерянно закусила губу.

Глава 7

В воскресенье Лёка проснулась позже всех. Отец уже ушёл, бабушка, одетая привычно, сидела у окна, мать хлопотала в кухонном углу, нарочито громко гремела посудой, была не в духе, дулась на старуху, в разговор не вступала. Девочка привыкла к упрямому характеру матери, которая за молчаливым раздражением скрывала растерянность, досаду, вину за ошибки.

Ребёнок чувствовал себя хорошо. Накормив манной кашей, Зоя собрала дочь на прогулку. На улице стояла тишина, солнце ослепляло; отражаясь от снега, его лучи резали глаза, не давали ресницам раскрыться. Мать посадила девочку на санки, застланные голубым байковым одеяльцем, удобно устроила ножки, обутые в белые маленькие валеночки с крошечными чёрными калошами. Морозец разругивал щёки малышки.

– К тётке Свете пойдём! Леночка заждалась тебя, всю неделю спрашивала, – походя пробормотала женщина, за верёвку потянув салазки за собой по тропинке.

Мамину школьную подругу, резкий голос которой временами переходил в крик, Лёка не любила. Колючий высокомерный взгляд этой дамы, бросающиеся в глаза ярко-красные прыщи на ледяном белом лице да пугающе крупная фигура приводили в смятение девочку. А её мать, бабу Катю, девчурка панически боялась. Она была черна, худа, с резкими чертами лица, с кожей, изрытой оспинами, слова произносила она непривычно грубым, осипшим голосом. Видя Лёку, та не упускала случая зло прошипеть ей на ухо:

– У! На бабушку-то как похожа! И лицом, и повадками. Отцовское чуть проглядывает, материнского же ни капли нет!

Ребёнок прижимался со всей силы к ногам матери, все вокруг начинали смеяться над шуткой старой женщины, а малышке становилось жутко до тошноты, она не любила ходить в дом «бабки Ёжки».

Зато Леночку, дочь тётки Светы, Лёка обожала, та на пару лет старше была, девочкам нравилось играть друг с другом. Иногда присоединялась Анфиса, по словам матери, дочка бабу Кати. Верилось с трудом, что семилетняя долговязая вредина, посещающая первый класс школы в соседней деревне, приходится тёткой её подруги. Для роли дочери старой Ёжки она явно не подходила.

Когда Анфиса вклинивалась в игру «малышни», то неизменно брала инициативу в свои руки. Это не нравилось подружкам, они пытались отвязаться от опеки заносчивой девочки, убегали, но справиться со старшей не удавалось, приходилось подчиняться. Так же случилось и в этот раз – Лёка с Леной весело возились в снегу, пытаясь вылепить снеговика, пока не явилась Фиса со своим набором правил. Играть расхотелось, стало скучно, малышка отошла к матери, сунула той в ладонь верёвку от саночек, молча уселась. Мать поняла без слов, потянула салазки, не прерывая разговора с приятельницей.

– Мелкая она у тебя какая-то, – слегка кивнув в сторону Лёки, произнесла тётка Света.

– Будешь тут мелкой, на казённой еде. По шесть дней в неделю в садике живёт, в ясли с годика отдала, деньги нужны были: зарабатывает Сашка мой мало, в семью копейки приносит, да ещё скидывает своим родителям десятку в месяц, на одну зарплату нам не прожить, дитя не обеспечить, чем-то жертвовать приходится. В саду ей лучше, дома лишь картошка да каша, я в столовой ем, муж тоже, здесь готовить некому, мать хворающая. Ты сколько свою грудью кормила?

– До полутора лет вытянула, считай!

– Видишь, а у меня чуть больше месяца молоко шло. По первому разу много прилило, кожа трещала, распирало до боли, груди в бюстгальтер не помещались. Помнишь бабу Симу, родственницу тётки Нюры, моей крёстной, она в то время у них гостила? Тогда заявила ко

мне, расплакалась, умолять начала из соска в глаза ей прыснуть, у неё бельмом зрачок зарастал, говорила помочь должно, если молозиво от первородящей женщины. Пожалела её, дурой оказалась. Ей не помогла, зато сама сглаз схватила, молочка изо дня в день меньше становилось, пока не исчезло вовсе. Пришлось на искусственное вскармливание перейти. Тут Лёка стала животиком страдать, от крика заходилась. Запаниковала страшно, разревелась, не знала что делать. Мамкина подружка баба Маня присоветовала в Тупики к знахарке отнести дочь, та ей не раз помогала, пока она своих шестерых выхаживала. Завернув голосащую кроху в одеяльце, я бросилась бегом в соседнюю деревню, а старуха говорит: «Не возьмусь, дитя некрещёное, ничего не выйдет!»

Как крестить? Я же комсомолка! Кто увидит, стыда не оберёшься, с членским билетом можно распрощаться да с работой – коли дойдёт до начальства, уволят без разговоров. Но ребятёнок кричит, наш фельдшер только руки разводит, не поймёт, в чём дело. До Раздоров доехала, там Нонка жила, помнишь, из нашего класса, они потом в Москву переехали? Я с ними всегда хорошо ладила, родители у неё верующие, все службы в храме простаивали. Рассказала им про свою беду. Мать приятельницы отвела нас с дочкой в местную церковь, с батюшкой договорилась, меня за порогом оставила, Лёку окрестили. Знакомых мало проживало рядом, никто не прознал. Девочку сразу к знахарке доставила, та её взяла, велела через четыре часа забрать дочь. Мёрзла, ходила кругами по морозу всё отпущенное время, боялась отойти, но дочурка с тех пор спокойно стала спать, только худенькая растёт. К Нонне я потом частенько навевывалась, малышку на бабку оставлю – и туда, хоть пару часов поспать, совсем с ног валилась с грудняшкой.

– Да, поднимать дитё в одни руки тяжеловато, ты всё одна маешься, да хворая матушка на тебе. Моя-то мать жилистая, сил у неё достаточно, подсобляет, хоть злыдня занудная, но отдыхать позволяет, жалеет по-своему. Помню в детстве она всё тебя привечала, расхваливали, в пример ставила: мол, умница, красавица, трудолюбивая, не то что я, бездарь ленивая. Ух, бесило меня это, ревновала жуть как, считала, что подруга материнскую любовь у меня крадёт, на себя переводит. В детстве по-всякому тебя обзывала, других подговаривала, дразнилки сочиняла. Ты же в отместку щипалась да дурой звала и опять к моей матери липла, будто своей мало. Глупые же мы были! Мне кто-то когда-то сказал, что по молодости мамаша сохла по твоему батьке, ты же больно лицом с ним схожа, оттого тяга возникла такая. Она сейчас тебя тоже любит.

– Не знала, что такую боль доставляла тебе. Догадывалась о ревности, походило на забавное соревнование, это подталкивало. Я тоже свою мамку ревновала по-страшному, к тётке Кате в отместку кинулась, она по-доброму ко мне относилась, про папу много хорошего говорила, потом привыкла с чужих рук ласку получать, о твоих чувствах не заботилась, о себе лишь думала.

– Тебе-то к кому ревновать? Мать полностью в твоём распоряжении. Ты единственная дочка у неё, любимая.

– Племянница к матери навевывалась время от времени из Электростали, средняя дочь её младшей сестры Акулины, у той три девчонки да сын подрастали. Лиду мать и сейчас жалуется, как та приезжала к нам, всегда пылинки с неё сдувала, самое вкусное этой хохотушке отдавала, про меня напрочь забывала. Когда же я с ответным визитом к тётке ездила – матушка уговаривала поддерживать родственные отношения – меня всегда там холодно встречали: своим пироги тёплые с молоком на ужин, мне корку хлеба с кисляком, тёткины дети на перине, под тёплым одеялом почивали, а мне бросали старое пальто на пол в углу и я всю ночь дрожала от холода, кутаясь в эту равнину. Я обижалась, сходила с ума от ревности, думала, матери не нужна, глупила по-страшному, делала всё, чтоб она за меня боялась, волновалась, переживала. Мне лет тринадцать стукнуло, раз задумала в койке ногти подстричь, отвлеклась, про ножницы забыла, с разбега в кровать прыгнула, дурачилась так, они и вошли

мне в ногу острыми концами, кровящи море натекло. Матушка обмерла вся, даже показалось – умирает, потом запричитала, мол, смерть пришла в дом, к иконке кинулась вымаливать у боженьки спасение своей дитятке. Кровь остановили, правда шрам синий, будто синяк, на ляжке на всю жизнь остался. То, что мать так дорожит мной, очень понравилось, после частенько её по мелочи пугала, из-за этого к тёте Кати прибилась, затем в привычку вошло у вас время проводить. Ваш дом мне нравился, там я никого не ревновала, там нотации особо не читали, только хвалили. Вот в шестнадцать лет у меня сердце схватило, ни выдохнуть, ни вздохнуть не могла. Очень это испугало, думала, умираю, на мать же смотреть страшно было. И опять молилась старая за непутёвую дочь перед иконами, руки заламывала. Всё обошлось, потихонечку раздышалась, приступ прошёл; когда к врачу пошла, тот сказал, это возрастное, пройдёт. Прошло. Но с того случая я зареклась маму на испуг брать, поняла, как та дорога мне, что никого другого мне не нужно, самой страшно стало её потерять, как бы она не ворчала на меня.

– Да уж, смешное детство!

– Смотри! Наша старая больничка работает. Частенько же приходилось сюда заглядывать. Сейчас в Москве к ведомственной поликлинике прикреплены. Лёка там же. Перевела, как только та в садик пошла. Когда дочке два годочка стукнуло, помню, она уши застудила, гной потёк. Поздно я поняла причину её слёз, раньше на характер плаксивый пеняла, неопытной, невнимательной мамкой оказалась. Наша фельдшер прописала колоть антибиотики три раза в день. Намучилась с ней крепко: с работы не уйдёшь, денег мало, в ясли дочку не берут с больными ушками. У матери с ногами обострение, могла только сидеть, не вставала, пришлось малую в коляске держать, чтоб старушка присматривала, укачивала. Утром младенца в медпункт заброшу, ей укол сделают, сразу со всех ног домой несусь, коляску матери толкну навстречу, и на электричку. В обеденный перерыв туда-сюда успевала обернуться да вечером, перед самым закрытием, заскочить. По целым дням с мамой коляску друг другу перекачивали. Хорошо, не совсем запустила, вылечили ушки, а могла бы дочери слух испортить.

Под тихий разговор подруг Лёка стала засыпать, сидя в санках. Ей снились странные птицы с головами мамы Зои да бабы Лены, со стороны в них врзалась незнакомая голубица, которая хватала птичку-бабушку и тащила-тащила к себе, а птичка-Зоя жалобно кричала, плакала, потом разворачивалась, летела прочь, попадала в тень чёрной вороны с головой бабы Кати, её окутывало большое облако вонючего дыма от папирос, и та уводила птицу-Зою прочь, а следом летел воронёнок с головой тёти Светы, жалобно стелая. Вновь появлялась птица-бабушка, выкликающая дочь. Но та её не слышала совсем и улетала всё дальше и дальше, сопровождаемая вороной.

Сквозь сон послышался встревоженный голос матери:

– Лёка-то дремлет, убаюкали дитяню нашей болтовнёй! Обедом надо покормить, пока окончательно не разморило ребёнка. Всё. Мы побежали домой! Дочь, проснись, не засыпай!

Вечером девочке удалось немного повозиться с отцом, когда тот вернулся с работы, что бывало нечасто.

Спать Лёку уложили рано.

Глава 8

Утром в понедельник Лёку разбудили затемно, они торопились на электричку, девочку отправляли в садик на неделю. Мороз утром заметно окреп, ребёнка одели тепло, поверх пальтишка повязали большой тёплый платок крест-накрест. Мать шла по дороге, тянула санки за собой, нагибаясь вперёд, борясь с порывами встречного ветра.

Лёка завалилась на спину, её маленькие ножки и тело до пояса укутали в байковое одеяльце, хотелось спать, сквозь неплотно прикрытые веки малышка разглядывала звёздочки, изредка появляющиеся в разрывах серой пелены тяжёлых туч. Вьюга усилилась. Снежинки облепили платок, неприятно холодили лицо маленькой сони. Девчушка, освободив одну ладошку в малиновой варежке из-под платка, попыталась поймать плывущие в свете дорожных фонарей искрящиеся кристаллики, хотелось рассмотреть их узоры поближе, не успела – чьи-то услужливые руки помогли матери втащить санки с дочкой в последние двери последнего вагона за минуту до отправления. Поезд тронулся.

Свободных мест в электричке на конечной станции всегда было много. Они устроились у окна, санки задвинули под лавку. В тёплых руках мамы Лёка мгновенно уснула, её разбудила поднявшаяся суматоха по прибытии в Москву; сплошная стена людских тел, качнувшаяся к выходу, казалась монолитной. После тёплого воздуха в вагоне, нагретого людским дыханием, на улице мороз показался злее.

– Дочь, давай договоримся! В детском садике не нужно говорить о ночной рвоте. Всё прошло, но в группу могут не взять. У меня аврал на работе. Если уйду на больничный, не смогу купить к следующим выходным твою любимую помадку да клюкву в сахаре. Поняла, дорогая? Будь умницей! А семечки больше не получишь, пока не подрастёшь.

Они зашли за тяжёлые ворота, отгораживающие детский двор от городской суеты. Сейчас створки на время распахнули, хотя их всегда держали на железном запоре под замком. Унылая территория, зажатая со всех сторон многоэтажными домами, встретила тишиной. Сюда водили на прогулку группы. У самой стены в углу рос огромный дуб, под ним расположилась песочница, еле угадываемая в снегу, зато летом заполненная по самую кромку песком. Рядом притулилась старая лавка, кем-то очищенная от снега, облупившаяся краска сползала с неё ошмётками. Через узкий проход дорожка выводила ко второму дворику, такому же скучному – место прогулки старших детей. Несмотря на кажущуюся серость окружающего пространства, дети любили прогулки, воспитателям всегда удавалось увлечь подопечных весёлыми играми. Зимой любимым развлечением становились игры в снежки, постройка крепости, ледяной горки да разных фигур из снега, заняться было чем, фантазии у любимой воспитательницы Ольги Сергеевны хватало. Летом же, пока не отбывали на дачу, детей занимали подвижными спортивными соревнованиями, догонялками.

Раздевалка находилась в полуподвальном помещении. Женщина быстро сняла с дочери верхнюю одежду, спрятала вещи в шкафчик с нарисованной белочкой, по деревянной скрипучей лестнице поднялись в приёмную. Передав девочку в руки Ирины Петровны, мать присела на стул. Лёке строгая медсестра разворошила волосы, проверяя отсутствие вшей; осмотрела ладошки, послушала грудь металлической головкой висящего не шее прибора; сунув холодный шпатель в рот, заглянула в горло; закончив осмотр, посадила мерить температуру. Лёка побаивалась суховатую Ирину Петровну, её мама тоже. Девочка заметила, как Зоя тихо подошла к медичке со спины, сунула в боковой карман белого халата шоколадку, лёд на лице строгой дамы тут же растаял, от смущённой улыбки на бледных щеках появились две симпатичные ямочки.

– Всё в порядке! – спешно объявила она. – Можете идти в группу.

По отполированной детскими ногами лестнице поднялись выше, где их дожидалась Ольга Сергеевна – пухленькая девушка со светлой толстой косой, уложенной в тяжёлую причёску на затылке. Лёка любила эту добрую, весёлую воспитательницу, щедро одаривающую своих подопечных нерастраченной сердечной теплотой.

Её сменщицу Людмилу Семёновну – высокую, худую, ворчливую старуху – девочка побаивалась и, когда та дежурила, старалась держаться от неё подальше.

Группу Лёки посещал внук пожилой женщины Славик, с непоседливым, задорным мальчишкой она дружила, как и с двумя неразлучными подружками, их видели всюду вместе: с высокой худышкой Маришкой да пухленькой Наташкой. Первая считалась самой красивой в группе. Высокая, с длинной пепельной косой, задорными завитками волос вокруг миловидного личика и огромными голубыми глазами в обрамлении длинных загнутых ресниц, она притягивала заинтересованные взгляды всех взрослых, а коротко стриженная, сопровождающая её круглолицая блондиночка со смешным курносым носиком выгодно оттеняла эту маленькую кокетку. Дружили девчонки странно: постоянно ссорились, обижались, разбегались по углам, но друг без друга долго не выдерживали. Лёка являлась той силой, что мирила их, становилась им необходимой на время разрыва. Какой-то период все играли вместе, потом подруги мирились, отдалялись, переставали замечать миротворицу, шептались, убегая от неё, бросая через плечо:

– Не ходи за нами, мы не водимся с тобой!

Малышка привыкла, на такой случай существовала третья подруга – Алина. С этой долговззой, крупной, спокойной девочкой никто не хотел связаться, её побаивались – сильная да отважная, она ни перед кем не отступала. Однажды Лине пришлось защищаться от одного задиры из старшей группы, кончилось тем, что парнишку отвели в медицинский кабинет, вернулся он весь в зелёнке. Лина привязалась к Лёке, обращалась с ней чуть покровительственно, по-доброму, они хорошо ладили, только размеренность их отношений вызывала скуку. Как только Маришка с Наташкой переставали дуться, привередничать, Лёка присоединялась к ним, забывая о Алине, а та не обижалась, зная, что вскоре подружка вернётся.

Ольга Сергеевна широко распахнула объятия навстречу вошедшей девочке, та бросилась к ней.

– Погоди! – успела схватить за подол платья мама. – Кто поцелует меня на прощание? Если получится, проведу тебя на недельке, в обеденный перерыв. Пока, любимочка моя! Пока!

Однако воспитательница задержала направляющуюся к выходу мать.

– Зочка! На неделе заглянет фотограф, за снимок деньги требуется сдать. Ещё кукольный театр пригласили, про Колобка сказку во вторник малышам покажут. Не забудьте внести! У вас задолженности нет за содержание ребёнка в саду?

– Я сейчас всё проплачу. Основные выплаты внесены.

– Ну хорошо! Счастливы вам!

Ольга Сергеевна переключила внимание на группу вновь прибывших детишек, поднимающихся по лестнице. Лёка побежала в угол к игрушкам, перед лежащим на полу ковром сняла сандалии – в обуви ходить по нему не разрешалось.

В начале недели девочка не очень скучала по родным, тоска по дому накрывала ближе к четвергу.

Наконец все собрались, детей поставили парами, повели в столовую, где ждал завтрак. В тарелках подмигивала жёлтым масляным глазом манная каша, как всегда с комочками. В кружке с вишенкой морщилось пенкой молоко. Ни комочки, ни пенку Лёка не переносила, поэтому принялась старательно вытягивать их пальчиками на край.

Новая неделя началась.

Глава 9

Конец зимы. На улицах гололёд. Вчера стояли лужи, снег подтаял на солнце, но сегодня вновь подморозило. Прохожие передвигаются осторожно, скользят, иногда падают, смущённо вскакивают, отряхиваясь от снега. Лёку забрали раньше, но в ОРС они не пошли, поспешили напрямиком на электричку.

– Я отпросилась! – радостно верещала мать. – Тебя ждёт сюрприз.

Вагоны шли полупустые, основной поток людей ожидался часа через два. Поезд мерно постукивал колёсами, звук убаюкивал, ресницы девочки слипались – её забрали сразу после обеда, когда дети готовились ко сну.

– Усни! – проворковала мама.

Но Лёка всегда боялась засыпать в дороге. Если она не сидела на коленях у матери, страх одолевал её, не давал расслабиться, малышке казалось, что её забудут спящей на скамье. С усилием тараща глаза, девочка заглянула в лицо женщине, по издавна заведённому порядку задала свой обычный вопрос:

– Ма! Ты меня любишь?

Мамуля частенько отмахивалась от этой надоевшей фразы, иногда в ответ говорила обидное:

– А за что тебя любить-то?

Поэтому в пути малышка неосознанно караулила Зою, довериться ей полностью не могла: вдруг та за неделю разлуки пришла к окончательному выводу, что дочка не подходит ей, слишком непослушная, и лучше забыть о такой непоседе. Но сейчас вопрос ребёнка не вызвал раздражения, мамочка в ответ ласково улыбнулась, потрепав тёплой ладошкой по щёчке.

Знакомая пара оленей промелькнула в разрыве между деревьями, ещё минут десять, и конечная остановка.

Выйдя из вагона, Зоя повела дочку в другую сторону, в соседнее село. Девочка там изредка бывала, мать показывала начальную школу, в которой когда-то сама училась. Дорога до посёлка показалась бесконечной, Лёка заныла, жалуюсь на усталость.

– Ты тяжёлая, на руках далеко не унесу, санки в этот раз не захватила, придётся потерпеть. Летом будем ходить коротким путём, через поле, но сейчас тропинка занесена снегом, не пройти. Гляди, вон за школой дом, нам туда надо, совсем немного осталось, – уговаривала мама.

Они свернули под арку одноэтажного приземистого кирпичного строения, оштукатуренного в жёлтый цвет, попали во внутренний дворик, через занесённый снегом маленький скверик прошли к дальнему подъезду, поднялись на крылечко. Мать нажала на кнопку звонка одной из квартир – открыла незнакомая тётя в халате, в тапочках на босу ногу. Огромные смешные бигуди на голове делали её похожей на космонавта в скафандре.

– Поздоровайся, Лёка! Это тётя Рита, наша соседка. Мы живём теперь здесь. Папе от работы комнату выделили, он скоро будет, – радостно сообщила мама. – Правда, здорово? Это мой сюрприз! Теперь печь топить не надо, дом обогревается батареями, готовим на газовой плите, очень быстро получается. И ванна есть, купаться и стирать бельё можно без проблем. Пойдём, я всё покажу.

– А бабуля где?

– На старом месте осталась. Мы навестим бабушку завтра. Это временно! Попытаюсь переселить её поближе к нам. А сейчас здесь нужно разобраться, уютно устроиться. С переездом хлопот много, так что постарайся не мешать мне. Ладно?

Комната оказалась просторной, с бывшей полутёмной каморкой не сравнить. Широкое окно выходило в небольшой палисадник. Её любимый стол стоял в углу, девочка сразу напра-

вилась туда, снимая на ходу пальтишко. Мать стремглав подскочила к ней, усадив на пол, стянула с ног валеночки.

– В обуви проходить нельзя – грязь нанесёшь с улицы. Переодеваться в прихожей будешь, там наша вешалка есть, тапочки тоже в ящике найдёшь. Поняла?

Лёка кивнула, перекатилась на колени, быстро заползла в любимое убежище. Игрушки дожидались хозяйку. Убедившись в целостности своих сокровищ, девочка высунула голову из-под стола, разглядывая обстановку.

Новый сервант красовался у стены, иконы отсутствовали. Родительскую кровать уместили напротив стола, тут же стояли четыре новых стула с деревянными лаковыми ножками, с мягкими сидениями, обитыми зелёной тканью. Её кровать расположили за шкафом.

Малышка вздохнула, встала на ножки, оправив платье, поспешила на голос матери. Общая кухня оказалась небольшой, там едва уместались два кухонных столика, по одному на каждую семью, рядом находился проход в туалетную комнату и ванную. Мать с улыбкой обернулась на топот детских ножек, вся светясь от радости.

– Дочур, есть хочешь? Сейчас накормлю. Смотри, вот наш стол. Скоро воду нагрееу, купаться будем, вещички твои перестираю. С батареями всё быстро высохнет, на колодец ходить не надо. Красота! Хорошо-то как! Всё не нарадуюсь. И магазин под боком, и школа, и почта близко!

Лёка, понуриив голову, уселась на табурет у окна: на новом месте она скучала. Улица выглядела пустынно, ничего интересного не происходило.

– Кто теперь сказки про дедушку Федю рассказывать станет? – тоненький голосок звучал печально.

– Не грусти! Завтра увидишь бабушку. А сейчас пойдём в комнату, покажу интересную штуку.

Затворив за собой дверь, мама потянулась к небольшой коробочке, прикреплённой к стене, покрутила за ручку. Звуки музыки заполнили пространство вокруг.

– Видишь, радио. Вчера приобрела. Слушай пока его. Скоро телевизор куплю, чтоб сказки смотрела, мультики всякие, передачи про страны заморские. Тебе понравится. Посиди здесь, поиграйся, я позову, когда приготовлю кушать.

Через десять минут девочку пригласили к столу. Соседский годовалый ребёнок безмятежно спал в коляске в коридоре рядом с кухней. Жаль, с ним не поиграешь. Отужинав, Лёка занялась устройством кукольного уголка на новом месте.

Мать с тётёй Ритой решили пить чай в тёплой комнате, дверь оставили приоткрытой, чтоб услышать зов проснувшегося малыша, расположились за столом.

– Как твоя старушка одна справляться там будет? – спросила соседка.

– Придётся потерпеть. Без матери будто без рук. Хоть хворая, а помогала как могла. Сейчас столько дел навалилось, надо всё разобрать, установить, приспособить! Мой, как всегда, с утра до ночи на работе, не допросишься помощи. Вот и Лёку необходимо выкупать, вещи успеть перестирывать, просушить, чтоб в садик с собой чистую смену белья дать. Бабушка всегда разговорами занимала внучку, а теперь маемся поврозь. Завтра побегу помогу ей с печкой, дров наколю, покушать приготовлю, продуктов подкуплю по пути. Хорошо, что жилплощадь выделили, только разрываться теперь приходится между двумя домами, ни секунды свободного времени. С ребёнком гулять ещё требуется. Без шестидневки бы не справилась, выручает. Повезло, устроилось всё так отлично.

– Не говори, подруга, без поддержки трудно. Я рыбой об лёд бьюсь – никого нету в помощь. Сына себе родила, безотцовщину горькую, лишь бы не одной век коротать. Мне-то уж больше тридцати, перестарок, никто не позарится.

– Да ладно уж! Моя мать в тридцать три замуж вышла, пожила, правда, в супружестве мало, папаня умер.

– Слышала я историю, чай в деревне живём! Старухи говорили, мать твоя красавицей слыла. Да и случилось это до войны. В лихую годину мужиков непомерно сгнуло, для восстановления их племени пока маловато времени прошло. У более успешных баб молодцев приходится заимствовать для продления рода. Иное боле мне не светит. Тебе нечего бояться – молодая, красивая, замужем за таким пригожим парнем. Мужчина в доме нужен, хоть какой. А коли ещё любит он, не пьёт, не гоняет, это значит, девонька, что ты под счастливой звездой родилась!

– Разве в том счастье? Я замотанная до предела спать ложусь! Света белого не вижу!

– Сама выбирала. Скажи, отчего дочь твоя по неделям в саду живёт, как сирота горькая? Не жалко? Не скучаешь? В наличии полный набор родителей, а дитё в приёмнике.

– Что толку от этого набора? Ещё больше хлопот! Помощи никакой, взять неоткуда, деньги зарабатывать нужно, на жизнь не хватает. Сколько купить необходимо!

– У многих вообще никого из родных не осталось, детей сами растят. Я одна бьюсь. Не спорю, трудно, но своего сынулю никогда в приют не сдам, без него затоскую, сгину.

– Мне хочется для дочки всё самое хорошее, чтоб не хуже остальных была, вот и рву жилы. Это естественно! Садик попался отличный, её любят, с ней занимаются, ей там лучше. Что я могу здесь ребёнку дать, когда сама вся издёрганная?

– Свою любовь! Запуталась ты, Зоя! Родную кровиночку на казённые харчи определила. Неправильно это. Видишь её один день в неделю. Летом того меньше, встречается раз в месяц на два-три часа в родительский день. За то короткое время, что отпущено вам, ты совсем не занимаешься с малышкой. Обстирываешь, по дому вертишься, свои дела справляешь, а дитё одно под столом играет.

– Мы по воскресеньям гуляем с ней, завтра вместе к бабушке пойдём.

– Баба Лена с внучкой чаще возится. Когда ты гуляешь с Лёкой, всё время со своими подругами треплешься, я часто вас вижу на прогулке. Девчонка твоя или с соседской Ленкой возится, или уныло за тобой бредёт. Тебе не кажется, что она скоро воспитательницу из садика полюбит сильнее, чем вас? Как на это смотрит Шурик-то?

– Сначала ругался, требовал, чтоб ушла с работы, с ребёнком дома сидела. Жаловался, мол, скучает о дочери, редко видит, растёт без него, они отвыкают друг от друга. Теперь при-вык, его дома не застанешь никогда. Он понял, что такое решение наилучшее для Лёки, принял как неизбежное. Не права ты, Марго, обстоятельства у всех разные. Малышка моя всегда будет любить меня больше всех, я чувствую, говорить тут не о чем. Сейчас она мала, ничего не понимает. Подрастёт – будет каждый день домой возвращаться, тогда наверстаем упущенное.

– Наоборот, упустите самое важное, время не повернуть вспять. Ладно, оставим это. Каждый живёт, как считает нужным. Скажи, ты насчёт матери обращалась к кому, чтоб ей тоже комнату дали? Тяжело же хворой старухе одной.

– На неделе ходила в управу, с работы отпрашивалась. Оказывается, там за главного дядя Паша, друг моего отца. Увидел меня, расчувствовался, говорил, что красавицей стала, на Фёдора больно похожа. Рассказал: мол, нашли истинного виновника, из-за которого отцу разнос устроили на партсобрании. Того человека наказали: то ли уволили, то ли посадили. Мне вникать не хотелось, батю не вернуть. Поделилась с дядей Пашей жилищной проблемой, описала ситуацию: мол, прямо в одном доме с нами есть свободная комната, хорошо бы мать туда перевезти. Когда моим родителям каморку отдельную дали, все обзавидовались. По тем временам такое считалось невероятной удачей. Впоследствии людей начали расселять в новые дома, про нас же забыли, заступиться некому. Я пожаловалась начальнику на больные ноги матери, что старуха кашляет, обслужить сама себя не может, что я замуж вышла, дочь у меня маленькая, верчусь волчком, передохнуть некогда, к мужу перебралась и в соседнюю деревню ездить мамке помогать времени не хватает. Ей же каждый день нужно воду носить с колодца, печь топить, еду готовить, про туалет холодный расписала, короче, про всё выложила. Дядя

Паша хороший человек, обещал помочь в память о друге. К матери он всегда трепетно относился. Надеюсь, дело сладится. Позже отблагодарю его по-дружески. Как думаешь, бутылка водки сойдёт в знак признательности?

– Возможно. Хорошо, когда есть кому помочь, – задумчиво произнесла соседка.

Дверь хлопнула, разбудив младенца. Маргарита поспешила к сыну. Вошёл отец. Лёка выползла из-под стола, расставила ножки, упёрла руки в боки, задрала голову. Заметив боевую позу дочери, мужчина усмехнулся, показав белые ровные зубы. Девчушка всегда считала своего светловолосого, широкоплечего папочку самым красивым, самым большим и сильным дядей в мире, зачарованно наблюдала, как пляшут озорные огоньки в его добрых серых глазах, когда тот задорно смеялся над выходками девчушки. Отец раскинул руки. Ребёнок, взвизгнув от восторга, кинулся в любимые объятия, вмиг забыв о намерении отругать папулю за сокрытие секрета о новой квартире – считалось, что тайн меж ними не существует.

Молодой человек задорно расхохотался, подхватив малышку, подбросил вверх, к самому потолку, та взлетела птицей, широко раскинув руки, ноги, вторя папиному смеху.

Подскочила мать, отобрала девочку.

– Ты совсем рехнулся, Саш! Головой о потолок стукнется, не удержишь, не дай бог. Да потом не уснёт она после такого, намаешься с ней ночью!

– Ладно тебе! Соскучились же мы! Чтоб своё дитя уронить, не бывать такому!

– Тебя ночью к ней не поднять, мне самой придётся расхлёбывать. Пойдём накормлю! Есть поди хочешь? Лёка, ты пока картинки в книжках посмотри. Я несколько новых купила.

Взрослые вышли. Девчушка вновь заползла под стол, отыскала в стопке детских книжечек три новых, принялась листать странички. Захотелось спать: днём отдохнуть не удалось, реснички слипались; сжавшись в комочек среди разбросанных игрушек, девочка уснула. Через какое-то время её, полусонную, вытащили за ноги, на руках отнесли в ванную комнату, где ждала знакомая ванночка с нагретой водой. Ласково намыливая спинку дочери мягкой тряпочкой, мать приговаривала:

– Малышка моя! Ведь ты всегда мамочку будешь больше всех любить? Правда ведь?

В ответ Лёка вяло кивнула головой. Женщина ополоснула дочь из ковша, завернула в полотенце, продолжая допытываться:

– Любишь меня сильнее своей воспитательницы? Сильнее Ольги Сергеевны? Да?

– Сильнее, – невнятные слова едва слетали с сонных губ.

– Ты кого крепче любишь? Маму или папу? Ведь меня же! Да?

Но девочка молчала, ибо уже спала, положив головку на плечо матери.

Глава 10

Наступившая весна принесла долгожданное тепло. Потребность кутаться в ворох тёплой одежды отпала.

Воскресенье. Лёка нежится в постели, встать не хочется. Мать с отцом на кухне завтракают. Солнце пробивается сквозь лёгкие занавески, слепит глаза. Девочка щурится от блаженства.

Через неделю детский садик на всё лето отправляют на дачу в Кубинку. Зоя торопится собрать все необходимые вещи, пришить к ним бирочки с именем Лёки, уложить в чемодан. Мамочка обещала навестить её в середине месяца, на родительский день, папу с бабушкой она не увидит до осени. Малышка любит дачу, там хорошо.

Услышав приближающиеся шаги в коридоре, девочка в одной ночнушке быстро сползла с кровати, спряталась под столом. Хитрый блеск глаз из-под скатерти выдал непоседу, вернувшийся в комнату отец заметил его мгновенно, шутливо подмигнул малышке, заторопился, стал что-то искать. Заглянула в открытую дверь мать, растерянно уставилась на одевающегося мужа, вопрос прозвучал напряжённо:

– Саш! Ты куда? Договаривались картошку сажать! Все деревенские на огородах. Погода чудесная, как раз для посадки, упускать такую возможность глупо.

– Сегодня не получится, Зоюшка! Прости! У меня футбол, команда из Горок приезжает, наши основные соперники. Не могу ребят подвести. Матч решающий!

– — Опять твои игры! Выходит, нас можно подводить, не держать слово, обещать и не выполнять, а кого-то нет? Живёшь в своё удовольствие, будто холостой, только работа да футбол на уме. Пойми, я не бездельница, дома целыми днями не сижу, но тут всё на мне: квартира, огород, ребёнок, мать хвора. От тебя помощи не дождёшься, не допросишься! Как прикажешь в одни руки картошку сажать? Завтра рабочая неделя начинается, погода может испортиться, время упустим.

– Как-нибудь сладится, позже наверстаем, не последний день живём.

– У тебя всё не как у людей! За что мне такой непутёвый мужик достался?

– Уж какой есть! Другим не буду! Телевизор сама просишь, загорелась идеей. Мне пальто, шапку зачем-то купила, в долги влезла. Не к спеху было, старые вещи спокойно года два носить мог бы. На всё средства немалые требуются, зарабатывать больше приходится. Поэтому день и ночь на работе пропадаю, пашу изо всех сил, от любой подработки не отказываюсь. Коли буду дома прохлаждаться да отдыхать – долго не протянем.

– Я тоже не каменная, и работаю, и зарплату приношу. Дочь тебя видит урывками, скоро совсем забудет.

– Копейки ты приносишь! Лёку ради этих крох, ради шмоток в детский дом сдала при живых-то родителях! Стыдно в глаза людям смотреть! Дочь от меня вдалеке держишь, поэтому не видимся с ней. Сколько раз просил, умолял – забери девочку оттуда. Хочешь работать – давай поблизости устрой, получать будешь не меньше, а малышка из сельского детского садика каждый вечер домой приходиться будет. Свои воспитатели не хуже столичных, она скучать перестанет по родным, по бабушке. Но тебя не переспоришь, не угодишь, упрямой женщине всегда всего мало!

– Не детский дом, а шестидневный садик. Кабы не он, нам не удалось бы свести концы с концами, ничего бы купить не смогли, жили бы в нищете.

– Заканчиваем, Зоя! Я опаздываю. Позже доругаемся!

Отец выскочил за дверь, у матери от обиды, бессилия из глаз брызнули слёзы. Лёка выползла из-под стола, подошла к ней сзади, робко потянула за подол.

– Не плачь, мам! Папа любит нас, он вернётся, ушёл не навсегда.

Мать порывисто обняла ребёнка:

– Глупышка моя! Не встревай во взрослые разговоры, не подслушивай! Это нехорошо!

Через час небольшая компания вышла на улицу, взяла направление в сторону огородов. Зоя толкала старенькую коляску, доверху заполненную посевной мелкой картошкой. Рядом семенила тётя Рита, тянула коляску с посапывающим сыном и уложенными между колёс лопатами. Лёка плелась сзади. Выделенные участки земли находились неподалёку, за домами, близ кладбища. Вчера девочка видела, как мать вечером в палисаднике под их окнами вскопала две грядочки, наскоро посеяв немного зелени, моркови, лука. Сегодня задача усложнилась. Спящего малыша женщины оставили под кустом сирени. Девочка, решив сплести венок на голову, занялась сбором одуванчиков, в изобилии разросшихся вокруг участка, вспаханного колхозными трактористами за бутылку водки, – внимательная кнопка почерпнула любопытные сведения из разговоров взрослых по пути к месту. Лунки копали попеременно то мать, то соседка. Вскоре малышке стало скучно, захотелось к бабушке, но та находилась далеко, на этой неделе из-за картошки свидеться не пришлось.

– Марго! Вода закончилась. Вторую бутылку забыла на столе. Что делать?

– Пошли Лёку, дверь открывать она обучена, тут недалеко, твоя девчушка самостоятельная.

Мать подозвала дочь.

– Малышка, помнишь, как мы сюда шли? Ты большая, помоги взрослым! Пойдёшь обратно по тропинке, увидишь наш дом, защёлку открой ключом. Не спеши! У тебя получится. Со стола возьмёшь бутылку воды, принесёшь нам. Умираю от жажды! Давай, дитя, спасай маму! Дверь за собой потом просто захлопни.

Девочка, гордясь ответственным поручением, важно затопала мимо копошащихся в земле людей. День повернулся к вечеру. Около дома бегали деревенские ребята, размахивая пиджаками. Лёка заинтересованно остановилась. Прямо к её ногам бухнулся большой жук, подбитый долговязым рыжим мальчишкой.

– Отойди, малая! Видишь, майских жуков ловим. Ещё зашибём ненароком! Потом реветь будешь!

– Больно надо! – произнесла малышка, но всё же с опаской отодвинулась, скосив глаза под ноги.

Жук был большой, блестящий, казался тяжёлым, неуклюже перебирал лапками. Подоспевший паренёк накрыл его ладошками.

– Есть! – радостно завопил он, потом состроил девочке страшную рожу, гаркнул, подражая взрослым: – Иди отсюда, малявка, а то получишь!

Возмущённо передёрнув плечиком, девочка поспешила дальше.

Дверь удалось открыть с первого раза, бутылка лежала на столе. Маленькая посланница загордилась: всё получилось, теперь мама обязательно её похвалит, назовёт умницей. В доме стояла тишина, никогда ещё она одна не оставалась в новой квартире. Новизна захлёстывала, чувство значимости переполняло, хотелось сделать нечто особенное. Девочка стала в середину комнаты, приосанилась и громко затянула любимую бабушкину песню: «Как умру я, умру. Похоронят меня...», а потом закружила по комнате, раскинув руки, запрокинув голову. Пальцами зацепила за крючок для одежды, прибитый под её рост, детские кулачки обхватили его, подогнув ножки, ребёнок повис – вешалка оказалась слабо укреплённой, не выдержала веса Лёки. Со всего размаха малышка упала на пол, разбила коленки в кровь. Поднявшись, прихрамывая, поплелась обратно на огороды с бутылкой воды в руках, слёзы заливали лицо: «Я всё испортила!» На баловницу навалилась невероятная смесь разнообразных чувств. Ей было жалко себя, коленки сильно саднили. Испытывая разочарование и страх получить нагоняй за сломанную вешалку вместо похвалы, малышка еле ступала на ушибленные ножки, горько рыдая.

Увидев зарёванное личико дочери, мать в панике бросилась навстречу.

– Кто обидел? Скажи!

Проказнице пришлось выложить всю правду про сломанный крючок. Мама в ответ на покаянное повествование неожиданно с облегчением рассмеялась, принялась целовать, подхватив изумлённую Лёку на руки, поспешила к дому. Перебинтовав израненные коленки, накормила, уложила спать на свою кровать, сама же вернулась на огород.

Посадки удалось завершить. Усталые женщины возвратились в квартиру, когда стали сгущаться сумерки. Девочка проснулась давно, ожидая Зою, смотрела книжки. Соседки дружно принялись готовить совместный ужин. Мать разрешила девочке ненадолго выйти на улицу прогуляться. Маленькая исследовательница обошла дом, зашла в палисадник – ничего интересного не увидела, по тропинке вышла к сараям. Свой отсек родители не запирали. Малышка открыла скрипучую дверь, между ног метнулась мышка, заставив нежданную гостью вздрогнуть от неожиданности. В сарае хранились старые вещи, сломанные игрушки, потрёпанные книжки. Хотелось подольше остаться здесь, дабы перебрать подзабытые сокровища. Не получилось – на улице совсем потемнело, разглядеть что-либо стало невозможно. Аккуратно прикрыв дверь, направилась к магазину. За сараями висел чей-то гамак, незнакомка с длинными волосами лежала под лёгким покрывалом, держа в руках книжку, медленно раскачивалась туда-сюда, но не читала: буквы уже нельзя было различить из-за темноты. Девочка бочком проскочила мимо, ей очень захотелось полежать так же в уютном гамаке, укутавшись одеялом, рассматривая картинки.

«Обязательно куплю себе такой, как вырасту!» – успокоила себя обещанием.

На двери магазина болтался амбарный замок. Она присела на скамейку, покачаться на ней невозможно, как на гамаке, зато здорово смотреть на небо, закинув голову назад; такое далёкое, глубокое, казалось, оно втягивало в себя, кое-где уже загорались звёздочки. Девочка испугалась – вдруг высота утянет её наверх, тогда станет невозможно вернуться к матери. Громкие голоса подвыпивших мужчин спугнули малышку.

Около арки перед двором взрослые ребята затеяли интересную игру – зажигали длинные палки с обоих концов, вставляли на ходули и крутили горящие шесты вокруг головы на вытянутых руках. Зрелище получалось захватывающее – огромные великаны с горящими головами на фоне тёмного неба. Чуть полюбовавшись, Лёка направилась к другому входу, в ближний пройти побоялась из-за озорников на шестах: как бы не зашибли, не обожгли горящими палками.

В квартире встревоженная мать собиралась на поиски дочери.

– Где ты пропадала, горюшко луковое моё? – набросилась с вопросами на Лёку.

– К сараям ходила, гамак видела, ребята большие у магазина с огнём балуются, – отработовала девчушка.

– Одна больше не ходи так далеко! Вдруг обидят. Мала ещё. Пошли кушать, да кроватка тебя заждалась, пора спать – завтра в садик.

Перед сном девочка заползла под стол попрощаться с игрушками. Стоять на разодранных коленках было больно. Мама вела неторопливую беседу с тётей Маргаритой, не обращая на неё внимания.

– Мать совсем плоха стала. Чахнет на глазах. Схожу на неделе к дяде Паше, напомним про обещание. К врачу ещё забежать следует, расспросить про её болезни. Лечат, лечат, а толку нет. Вот отправлю Лёку на дачу, первым делом займусь этими вопросами.

– Деятельная ты, Зоя! Только на дочь у тебя времени не хватает!

В открывшуюся дверь протиснулся отец, заискивающе улыбнулся, пробуя помириться:

– А мы вчистую победили команду гостей с Горок!

Мать не ответила, презрительно ухмыльнулась, надула губы.

– Зой, ты кормить меня собираешься?

– Не маленький чай! Сам поешь! Всё играешься, а мы животы надрываем, весь участок засадили картошкой. Вымотались. Так что слуг тут нет, прислуживать тебе некому, – последовал резкий ответ.

Мать демонстративно отвернулась к окну, в отражении тёмного стекла наблюдая, как отец направляется к кухне.

– Надо Лёку из-под стола вытащить. Шалунья любит там засыпать.

Девчушку поймали за стопы, вытянули на свет, она сощурилась.

– Ты плохая! Папу обижаешь! – кроха надула губёшки, пытаясь отбиться ножками от цепких рук матери.

– Ну вот! И она туда же! – опечалилась Зоя, укладывая дочь в постельку. – Спи уж, Аника-воин! Потом разберёмся.

Увидев входящего хозяина, тётя Рита выскользнула за дверь, вслед за ней поспешила и мать. Мужчина лёг на постель, протянул руку дочери сквозь прутья кровати. Девочка ухватила ладошкой за большой палец.

– Защитница ты моя маленькая! Слышал я, как за батю заступаешься! Больше некому! – ласково шепнул отец.

Лёка спала.

Глава 11

Всё лето Лёка жила на даче. Детский садик обосновался на территории одной из школ, рядом находилось большое футбольное поле, огороженное забором. Маленький огорожок, засаженный зеленью и цветами, оживлял школьный двор, но туда ходить запрещалось. Две просторные беседки гарантировали защиту от небольшого дождя во время прогулок. Тут дети чувствовали себя привольнее, резвиться, бегать есть где, места много для игр.

Лёка любила с подружками бродить по футбольному полю, на пустом огромном пространстве которого они находили себе множество забав, никогда не скучали. Девочки заплетали травинки в косицы, наблюдали за слипшимися солдатиками, следовали за вереницей муравьёв, любовались облаками, находя в них сходство со знакомыми предметами, подставляли лицо тёплым порывам ветра, заклинали божью коровку лететь к детям, суля хлеба, гонялись с сачками за жёлтыми лимонницами, катались с боку на бок по пыльной траве – да мало ли чем может занять себя ребёнок с необузданной фантазией. Воспитатели организовывали подопечным коллективные соревнования: догонялки, разнообразные эстафеты, жмурки. Особенно любимы были игры с мячом: «Картошечка» и «Вышибала» стояли вне конкуренции. Более спокойные забавы, такие как «Колечко, выйди на крылечко», «Испорченный телефон» да «Вы поедете на бал?» оставляли на самый конец, когда дети чуть уставали, становились поспокойнее.

Потеха начиналась, если собирался дождь. Малышня прыгала в разные стороны на одной ноге, каждый на свой лад вопил: «Дождик, дождик! Кап-кап-кап. Мокрые дорожки. Не уйдём мы со двора, хоть промочим ножки. Дождик, дождик! Кап-кап-кап. Не боюсь тебя никак!» Встревоженным воспитательницам плохо удавалось собрать разошедшихся шалунов в пары, чтоб увести в помещение. Когда приезжал фотограф, детей по одному заводили на запрещённую в любое другое время территорию огорода, чтоб сфотографировать на фоне клумб, в самой гуще цветочных зарослей, а потом по уложенной плиткой дорожке выводили за ограду – опасались пчёл с осами.

Раз в неделю малышей строили парами, весь садик отправлялся на прогулку в ближайший лесок. Такое путешествие походило на приключение. Вереница из детишек растягивалась длинной змейкой по просёлочной дороге, со всех сторон их обступали кусты, деревья. Лес встречал свежестью, запахами скошенной травы, душистой таволги, полевого разноцветья. Кое-где поспевала лесная малина, краснели волчьи ягодки на кустах – прикасаться к ним запрещалось. Воспитатели пугали подопечных притаившимся медведем, хотя дети подозревали, что это сторож Петрович, которого неизменно брали для охраны, издаёт глухое рычание, но всё же пугались – вдруг правда дикий зверь! Превратиться в волка от единственной ягодки казалось особенно ужасным: рискнёшь попробовать с лесного куста угощение – как мама потом узнает своего дитятку в звериной шкуре? Каждый раз во время таких вылазок Людмила Семёновна нудным скрипучим голосом рассказывала о непослушном мальчишке, обернувшимся на её глазах волчонком, убежавшим в чащу, которого родители так и не нашли.

Стена леса расступалась, группы выходили на широкую поляну, залитую ярким солнечным светом, от которой брала начало длинная просека, вдалеке сливающаяся с небом. Казалось, солнце торжественно и величаво продвигается вдоль этой проложенной тропы. На траве расстилали покрывала, ребятня снимала сандалики, рассаживалась отдыхать перед обратной дорогой. Кто-то из воспитателей начинал рассказывать сказку. Возвращались на территорию дачи к обеду, после такой прогулки у детворы разыгрывался волчий аппетит, а в тихий час все спали особенно крепко.

Раз в месяц устраивали родительский день. Мама приезжала красивая, в лёгком летнем платье с летящим подолом, принося на себе запах родного дома и своих духов, будто ландыши

расцветали рядом. Её глаза блестели от счастья, улыбка обнажала ровный ряд белоснежных зубов, тёплые ласковые руки крепко обнимали Лёку. Мать прижимала девочку к себе, целуя упругие щёчки дочери, щекоча детское личико короткими прядками тёмно-русых волос в модной химической завивке. Папа не приезжал никогда. Малышка часто замечала, как на мать оборачиваются чужие отцы, особенно когда та задорно хохотала. Тогда сердце ребёнка наполнялось горделивой радостью.

В эти дни детям в сопровождении взрослых разрешалось покидать казённую территорию. Мать с дочерью забредали далеко в лес, на траве стелили покрывало, ложились рядом, любовались облаками, пытались в них разглядеть фигуры. Мама неизменно привозила с собой свежую клубнику, присыпанную сахаром, в баночке. Сладкий запах разносился по лесу, вкус ягоды навевал мысли о доме, становилось уютно. Играть мать не умела, сказки у неё получались длинными и скучными, бабушкины истории выходили интереснее. Зато девочка не закрывала рта, выкладывая про злого медведя в малиннике, про ягоды, превращающие в волка, короче, про всё-всё-всё. Наговорившись вволю, заставляла родительницу петь. Та пела хорошо, малышке нравилось слушать переливы любимого голоса, вскоре подключалась и она – по лесу разносились грустные напевы про замерзающего ямщика, про узника в темнице, про умирающего кролика:

Грустная история наполняла глаза непоседы слезами, радость в голосе исчезала, Лёка тут же начинала предлагать варианты лечения зверька, долго допытывалась о дальнейшей судьбе страждущего пушистика. Когда же переходили к песне о смелой узнице, на словах: «Сторожите, как хотите, всё равно я убегу...» – во взгляде девочки появлялось торжество победы.

К ужину аж мама уезжала, становилось тоскливо, временами малышка не могла сдержать слёзы, те текли по розовым щёчкам, капая в ложку с манной кашей. Наутро грусть отступала, Ольга Сергеевна не давала воспитанникам киснуть, уверяя, что месяц пролетит незаметно, родители вновь навещат своих озорных малышей.

Перед самым концом смены Лёка в первый раз серьёзно рассорилась со своими подружками Наташкой и Маришкой, они и раньше, бывало, разбегались, но через день-другой мирились. В этот раз получилось по-другому, и всё из-за Славика. Ребята вчетвером играли в прятки, её подруг мальчишка нашёл быстро, на радостях выпалил им:

– Я вас люблю!

Девочки засмутились, но возможность пококотничать не упустили:

– Кого из нас?

– Вы обе будете моими жёнами! – ошарашил дружок.

– Разве так можно? – прыснули те в ответ.

– Мне всё можно! – серьёзно заверил мальчонка.

Притаившаяся Лёка наблюдала за друзьями из ближайших кустов, ей вдруг стало обидно, что её не любят, в жёны не берут. Славик искал девочку долго. Когда он убежал чуть дальше, она выбралась из укрытия, направилась ко входу в корпус. Перед самой дверью паренёк её настиг:

– Так нечестно! Я тебя ещё не нашёл!

– Незачем меня искать, – зло бросила Лёка. – Наташку с Маришкой ты любишь, вот и ищи их всю оставшуюся жизнь!

– Неправда! Я понарошку так сказал, просто так получилось. Я тебя люблю!

Славик, наклонившись, поцеловал девочку в щёчку, та чего-то испугалась, мгновенно развернувшись, побежала к веранде, мальчишка за ней, они увлеклись игрой в догонялки.

Подружки всё видели – стояли поблизости. На обеде не обращали на Лёку внимания, шушукались друг с дружкой, что-то рассматривая под столом. Девочка не умела таиться, поэтому спросила:

- Что у вас там? Вы не дружите со мной?
- Не дружим! Ты со Славкой целовалась!
- Нет! Он просто прикоснулся к щеке губами...
- Это и есть поцелуй! Он нас обещал любить!
- Он мне так же нужен, как вам! Мы же все вместе дружим!
- Нас он не целовал! Ты должна искупить свою вину.
- И как же?

Марина разжала кулачок – на ладони лежала обыкновенная прищепка, такой мать закрепляла бельё, когда вывешивала на просушку.

– Вытяни палец, я защемлю. Это не больно, может только чуть-чуть. Вытерпишь! Если согласишься – значит, доверяешь нам, тогда забудем обиды, помиримся. Если откажешься – ты нам не подруга.

Лёка, недоверчиво взглянув в насмешливые глаза неугомонной затейницы, переспросила:

- Точно больно не будет?
- Не веришь мне, покажу на Наташе.

Хитро улыбнувшись, светловолосая заговорщица, вытянув палец, просунула в прищепку, Маришка чуть ослабила нажим, тут же открыла захват, освободив руку подруги.

– Теперь ты!

Лёка боялась, но ей совсем не хотелось объявлять себя трусихой, враждовать с подружками, она протянула ладонь к прищепке, оттопырив мизинчик. Марина, резко отпустив ушки приспособления, мгновенно отпрыгнула в сторону. Тугим механизмом сплющило палец, боль ожгла, девочка закричала. Прибежала Людмила Семёновна, освободила посиневший палец, сунула прищепку в карман, потащила пострадавшую в медицинский кабинет. Медсестра осмотрела опухшую кисть, вымазала йодом, перебинтовала.

– Ну что, страдалница? Впредь тебе наука – не суй пальчики куда ни попадя! Тебе повезло, перелома нет, но три дня в повязке походишь. Будет побаливать!

Мальшка вернулась в группу, дети поглядывали на неё с любопытством. Маришка с Наташкой стояли наказанные по углам. На следующий день к Марине неожиданно приехал папа, он уезжал, на родительский день не успел, привёз угощение, много фигурных шоколадок. Лёка сторонилась подруг, они сами подскакивали к ней, дразнили сладостями.

– Ха-ха! Не получишь ни кусочка, ни крошечки. Делиться не станем! Ты не выдержала испытания. Дружба закончена! – смеялись озорницы, набивая рот шоколадными зайчиками. Лёка терпела обиду; задевало не то, что не угощали, вводила в растерянность их злобная издёвка.

Славка сначала вертелся возле раненой подруги, с сочувствием рассматривал перебинтованную руку. Поскольку бегать той запретили, мальчик вскоре заскучал, забыв о Лёке, весело ввязался в игру с Маришкой и Наташкой.

Не оставляла в беде лишь добрая Лина. Она не отходила от подруги, гладила по голове, успокаивала как могла, принесла свою куклу, книжки... Однако Лёка очень скучала в её обществе, ей хотелось туда, где друзья играли в салочки, куда путь был заказан.

Мне сегодня очень грустно,
Бедный кролик заболел,
Даже вкусный лист капустный
Бедный кролик мой не съел.

Глава 12

В конце августа приехала мама, забрала домой. В сентябре девочку переводили в среднюю возрастную группу в садике.

По возвращению малышку ждала радостная новость – бабушка Лена переехала на новую квартиру, ей дали комнатку недалеко от них, в этом же доме, только в другом подъезде. Её соседка тётя Клава, мгновенно расположившая к себе маленькую баловницу, выглядела, как сдобная булочка: вся такая мягкая, уютная. Она жила вдвоём с сыном Валериком, сверстником девочки, между детьми тут же установились дружеские отношения. Внучка по нескольку раз на дню забегала к бабуле поиграть с новым приятелем.

Мама наконец осуществила свою мечту – купила телевизор. Теперь перед сном непоседа могла смотреть детскую передачу «Спокойной ночи, малыши!», которую сразу полюбила.

– Знаешь, дочь, когда-нибудь, может даже скоро, научатся делать цветные телевизоры. Вот тогда на красотушку поглядим, увидим страны заморские в ярких красках, на все чудеса света полюбуемся. А пока чёрно-белая картинка сойдёт, лишь бы не рябил экран! – улыбаясь, обронила мать, наблюдая за девочкой, увлечённо следящей за происходившим на экране.

Погода в выходные дни преподнесла подарок – неожиданно установилась жара. Зоя воспользовалась благоприятным моментом, вытащила из комнаты во двор матрасы для просушки. Детская передача закончилась, дальше началось что-то неинтересное.

Малышка вышла на улицу. Пока хозяйка ходила за бабушкиными вещами, озорница, скинув сандалии, забралась с ногами на прогретую солнцем пружинистую поверхность родительского матраса, стала прыгать всё выше и выше, пытаясь представить мультики на цветном экране. Мысленно воссоздать увиденное накануне не получалось, никак не вырисовывалась цветная картинка.

Увидев из окна забаву дочери, женщина выскочила из дома, резко схватив непоседу за локоть, столкнула её на землю, выговаривая обидные слова, принялась отчищать тряпкой грязные следы детских стоп. Лёка надулась, ведь получалось здорово так высоко взлетать над землёй, теперь же расстроилась, испугавшись грубого поведения всегда доброй мамы, от обиды хотелось зарыдать в голос. Они нечасто виделись, Зоя старалась в редкие встречи обходиться с малышкой ласково, только в последнее время почему-то стала нервной, раздражительной.

«Это, наверное, из-за папы, я почти его не вижу, и мама тоже – он то на работе, то на футболе, поэтому мамуля часто злится, срывается на меня, на бабушку».

Размышления немного успокоили ребёнка, выступившие на глазах слёзы высохли.

В арке показалась мужская фигура – отец в этот раз пришёл чуть раньше. Лёка кинулась к нему, он погладил дочь по голове, разворошил волосы, вытянув печеньку из кармана, протянул ребёнку. Скопив глаза на обнявшуюся парочку, мать взорвалась:

– Она ещё не ела. Пихает всегда что ни попадя. Не тронь ребёнка!

Девочка испуганно сжалась, бочком обошла разошедшуюся мать, поспешила в дом, торопливо забравшись под стол, прижала к груди тряпичную куклу, недавно сшитую бабушкой, и затаилась.

Отец занёс матрасы в дом, жена шла следом, продолжая ворчать. Мужчина, пытаясь сохранять спокойствие, шутливо спросил:

– Что опять не так? Как всегда не в духе?

Слова возымели обратный эффект – Зоя завелась сильнее, будто дров подкинули в затаивший костёр:

– А ты как думал? На картошку выходят всей семьёй, а я опять как брошенка. Сажала одна, копать-собирать вновь в одни руки? Зачем муж такой нужен, спрашиваю тебя, коль супругу совсем не бережёт, не жалеет? Не стыдно тебе?

Хозяина разозлила прилюдная атака жены, он видел недоумённое выражение лица соседки, выскочившей из кухни на шум, испуганный взгляд дочери.

– Сама выбирала, – раздражённо кинул он. – Какого брала, таков и есть! На людей не смотри! Не им судить. Ты ж меня всегда из дома гонишь своим отношением. Зой, скажи честно, когда-нибудь любила меня?

– А за что тебя любить-то? Твои поклонницы не знают, каков на самом деле их кумир, как с тобой трудно жить, вот и преследуют, табунами по следу носятся! Нет мне от тебя никакой пользы! Одно разочарование.

– Любовь не товар, любят не за что-то, а просто так, как дар. Всё естественно, будто дышишь. Ты, видимо, никогда не любила, поэтому злишься. Не живёшь, а маешься со мной!

– Конечно, не любила! Под руку подвернулся вовремя!

Мать в ярости подскочила к молодому человеку, гримаса ненависти исказила красивые черты.

– Ты же никто и ничто! С тобой и поговорить не о чем! Дуб дубом! Один футбол на уме!

Звук пощёчины оборвал визгливый крик, послышался жалобный всхлип. Женщина убежала на кухню. Из-за закрывающейся двери донеслось:

– В моём доме ты бы не посмел поднять руку на меня!

– Ну вот! Сейчас побежит к соседке, потом ко всем своим бессчётным приятельницам жаловаться на мужа-изверга. Этот человек всегда всем на всех жалуется, по любому поводу. В жёны взял красивую скромную девушку, а она превратилась в вечно недовольную гримасу, – пробубнил отец, лёг на постель, отвернулся к стене, есть не стал.

Лёка подождала, когда совсем стихло, выползла из-под стола, подлегла к папе, прижавшись к сильной тёплой спине влажным от слёз лицом, и уснула. Она всегда так реагировала на испуг: сон позволял забыть неприятные сцены.

На следующий день мать с опухшей щекой вместе с супругом копала картошку на огороде в напряжённом молчании. Девочка ходила за ними, собирала клубни в корзину. Тоже угрюмо помалкивала.

Вечером женщине стало плохо: скрутило живот, поднялась температура. Её увезли на скорой, она умудрилась в такую жару застудить придатки. В больнице женщину оставили на неделю, чтоб отлежалась: возникла необходимость проколоть курс антибиотиков.

В детский сад ребёнка собирала бабушка, а отвёл папа, для этого отпросился на пару часов с работы. Лёка, грустная, плелась за отцом, зажав в кулачке большой палец его руки.

В группе Маришка с Наташкой сами подбежали к подружке, забыв прежние обиды, потянули в живой уголок. Там обнаружилось пополнение – привезли щегла, белочку да черепашку. Детям разрешили их покормить.

Черепашка вела себя спокойно, прятала голову в панцирь, смотрела оттуда чёрными бусинами глаз и о чём-то думала. Белочка же с щеглом от такого количества детских рук в испуге металась по клеткам, рискуя пораниться. Воспитателям пришлось ребятню отогнать, подпускать по одному, ненадолго.

Лёка с подругами методично принялись обходить все залы, комнаты, чуланы, радостно отмечая про себя изменения, произошедшие за лето. Вскоре к ним присоединились Лина и Славик. Ради первого дня Маришка с Наташкой Линочку не прогнали. Шумной стайкой дети заглянули на кухню, где столкнулись с заведующей детским садиком Любовью Тимофеевной. Повизгивая от страха, натыкаясь друг на дружку, детвора бросилась назад в свою группу, там затихла в ожидании наказания. Но всё обошлось.

Глава 13

Через неделю из садика Лёку забрала мама, она выписалась из больницы, но разговаривала с непривычной грустью. Они не пошли домой, свернули к бабушке. Родители не пожелали, не нашли способа помириться. Женщина перенесла на квартиру старушки телевизор, кровать, любимый стол девочки с набором игрушек.

Малышка не расстроилась из-за произошедших перемен: она любила гостить у бабули, ей нравилось играть с Валеркой, подчиняясь его задору, выдумкам, фантазии. Случившееся казалось несерьёзным, просто они ненадолго переехали в другое место, как летом на дачу в Кубинку, отец же вскоре присоединится к ним.

Взрослые готовили еду на кухне. Друг заявился к Лёке в комнату, обвешанный палками на верёвках, которые болтались за спиной, на груди, на боку.

– Это автоматы, – гордо заявил приятель, хмуря белёсые брови. – Сейчас война. Будешь моей женой. Я уйду на фронт бить фашистских гадов. Под столом наш дом, там ты меня ждёшь и готовишь ужин. Поняла?

Подружка с готовностью кивнула головой. Мальчуган выскочил в коридор, забежал туда-сюда, из-за стены донеслось «Тра-та-та», потом что-то загремело и стихло. Девочка забралась под стол, разложила вдоль стены игрушки, время от времени с любопытством выглядывала наружу, вытягивая шею. Несколько минут стояла тишина, вдруг дверь рывком распахнулась. Валерка вошёл, шатаясь, ступил несколько шагов, держась руками за грудь, и повалился на пол. Девчушка подползла к нему на четвереньках, робко тронула за плечо. Приоткрыв один глаз, пацан прошептал:

– Меня убили! Плачь!

Он лежал на полу, разбросав руки-ноги в разные стороны, совсем не двигался. Малышка жутко испугалась, её громкий рёв нарушил тишину комнаты. Лёка плакала по-настоящему, навзрыд, впервые ощущая всем своим маленьким тельцем невосполнимую горечь потери.

Вбежали перепуганные взрослые. Валерка вскочил на ноги.

– Что? Что ты ей сделал? – надвинулась на сына тётя Клава.

Мальчишка попятился, замотал головой, заикаясь, произнёс:

– Ничего... Она сама заголосила!

– Лёка! Лёка! Девочка моя! Что с тобой? – растерянно причитала мать.

– Я не хочу, чтоб кого-то убивали, – не могла успокоиться малышка.

Мамы с облегчением вздохнули и, не сговариваясь, дружно залиvistо расхохотались. Бабушка протянула внучке румяное яблоко, погладила по вспотевшей головке, взлохматила волосы.

– Ах ты моя сердобольная! – прошептала ласково.

Соседка потянула сына за руку домой:

– Идём уже! Нечего девочек до слёз пугать!

Мальчишка упирался, цепляясь за всё, что попадалось на пути.

– Мы завтра с тобой ещё в космонавтов поиграем! Я вырасту, буду как Юрий Гагарин, – кричал на прощание друг.

Парнишку закрыли в комнате на ключ. Лёка успокоилась, стало скучно. Она не хотела наказания для Валерки, но так получилось. Тяжело вздохнув, девочка вновь укрылась под столом, сидела, обняв колени, молча смотрела на яблоко, выглядывающее из оттопыренного кармана вельветового платёшика.

Вернулись бабуля с мамой, завели разговор:

– Зоюшка, не руби с плеча? Может вернёшься? Сашка всё же муж тебе. Вон Рита, Клава без мужиков с пацанами смотри как маются. Внучка-то любит отца, он тоже дочь обожает.

– Ни за что! Даже не уговаривай, мам! Я в больнице лежала, соседкам по палате рассказывала, как он меня ударил. Если б ты видела, как они рыдали! Все жалели твою дочь, только ты всегда на другую сторону встаёшь!

– Но вы вместе виноваты в случившемся! Тебя не остановить, коли разойдёшься, сама нарвалась! – попробовала урезонить строптивицу баба Лена.

– Не на кого пенять, мамуль! Я не стану терпеть побои. Сашка ещё не раз об этом пожалует. А нет – ему же хуже будет! Придёт вымалывать прощение, вот тогда узнает, что мне от него нужно. Никуда он от дочери не денется! Добьюсь своего, чтоб во всём мне помогал, про друзей да футбол забыл!

– Верю, что приятельниц по палате до слёз растрогала. Не приписывай это к сочувствию. Ты всегда умела всё в свою пользу обыграть. С детства такова! Даже я от твоего злого язычка натерпелась. За шкodu не накажешь, тронуть не смей! С малых лет выгоду свою блюсти научилась. По любому поводу на улицу выскакивала да соседям жалилась, мол, мать злыдня: поедом ест, прутом избивает, житья не даёт. Всё грозила к Катьке насовсем удрать, считала, что только там тебя больше любят. Мне за что-то мстила, боль причиняла. Соседи норов твой тогда раскусили, успокаивать научились тебя, про себя посмеивались. Мне легче не делалось, иной раз глаз на соседок не могла от стыда поднять. Подоврать, исказить, под иным углом выставить, преувеличить – этим ты всегда владела мастерски! Очернить любого можешь, видно у Позоровой научилась, подлости набралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.